

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
 • АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
 • ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Н.Н. Наумова.** Иркутская церковно-учительская семинария в начале XX века 3
О.Н. Климина, Ю.В. Теньковская. История Харгинского месторождения кварцевых песков 11
 ЭТНОЛОГИЯ

- М.Ч. Голендеева.** Семантика орнаментальных композиций в домовой резьбе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» 22
Н.Г. Майборода. Казачья одежда Верхнего Дона конца XIX – начала XX века 32
 ТОПОНИМИКА

- С.А. Гурулёв.** Географические воззрения русских XVII века и их отражение в современной топонимике 41
Р.В. Попова. Годонимы Иркутска в пространстве городской культуры 48
 ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

- Л.М. Мельникова.** Поездка в Чунский район Иркутской области 54
 МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- В.Т. Щербин.** Быть или не быть памятникам деревянного зодчества Иркутска в «Тальцах»? 64
В.М. Лапенков. Роль и место бонистики в реализации музейных функций 72
 МУЗЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ

- Е.А. Таволжанская, И.В. Таволжанский.** Артель «Тальцинская керамика» 80
 ВЫСТАВКИ

- М.Л. Никифорова, А.В. Сакович.** Жестяная упаковка революционной России 87
 ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

- В.В. Тихонов.** Поощрительный знак «Почетный деятель музея „Тальцы“» 95
 МУЗЕЙНАЯ АКЦИЯ 98
 КОНФЕРЕНЦИИ 100
 НОВЫЕ КНИГИ 101
 ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

- А.Г. Байбородин.** Дворник. Записки захолустного писателя 102
 НА ДОСУГЕ

- Юности честное зеркало** 112

Учредитель и издатель: ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. ГУК АЭМ «Тальцы»

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 54-61-77, 54-61-80, факс: (8-3952) 54-61-77

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, Т.А. Колесникова (отв. секретарь), канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Т.А. Колесникова, Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Н.М. Вахтина

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Дизайн обложки: Ю.В. Довбыш

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 54-61-77, 54-61-80, факс (8-3952) 54-61-77, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — *Церковь равноапостольного князя Владимира в Иркутске. Фото В. Белова, 2005 г.*

С. 2 — *Игрушки-свистульки мастеров артели «Тальцинская игрушка». Фото И. Таволжанского, 2006 г.*

С. 3 — *Денежные знаки. Из коллекции В.М. Лапенкова.*

С. 4 — *Знак «Почетный деятель музея „Тальцы“».*

Подписано в печать 21.12.06. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 6,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 6224. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 203-144, 255-970, 999-003.

© ГУК АЭМ «Тальцы», 2006

ИРКУТСКАЯ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Надежда Николаевна Наумова,
кандидат исторических наук, доцент
Братского государственного
университета,
г. Братск, Иркутская область*

Проблема подготовки квалифицированных педагогических кадров для народных школ Иркутской губернии всегда стояла достаточно остро. Особенно сложным было положение в системе церковно-приходских школ, принадлежавших ведомству православного исповедания (ВПИ). Если в 1898 году насчитывалось 108 одноклассных школ ВПИ, то в 1911 году их было уже 196. Большинство учителей не имели специальной педагогической подготовки. Компенсировать недостаток педагогических кадров помогали две двухклассные и четыре второклассные церковно-приходские школы. Однако и те, и другие относились к типу начальных учебных заведений, хотя и «повышенного типа с педагогическим курсом».

Проблема усугублялась и тем, что рост школьной сети не соответствовал темпам прироста населения. С 1863 по 1914 год население Иркутской губернии увеличилось с 365,8 тысячи до 750,2 тысячи человек, то есть более чем в два раза. Поскольку относительный прирост населения в Сибири (22,8 чел. на тысячу населения в 1913 г.) был значительно выше среднерусского (15,7 чел.) за счет активного переселенческого движения, то охват детей школами снижался.

Люди, получившие среднее образование, автоматически обретали право на преподавание тех предметов, оценки по которым были выше «2», но количество гимназий явно не удовлетворяло сибирское население. К 1914 году одна средняя школа в Сибири приходилась на 123,5 тысячи жителей. В Иркутской губернии функционировало десять гимназий и прогимназий (5 из них в Иркутске), две учительские семинарии (в Нижнеудинске и в Иркутске), в 1909 году в Иркутске

был открыт учительский институт. Однако педагогических кадров было по-прежнему недостаточно.

Во второй половине 1890-х годов на страницах печати дебатировался вопрос об открытии учительских семинарий духовного ведомства. Количество церковно-приходских школ в Российской империи быстро увеличивалось — с 4 404 в 1881 году до 42 604 в 1900 году. Представлялось необходимым одновременное открытие не менее 60–80 семинарий с ежегодной затратой на них государственных и епархиальных средств в размере более 4 миллионов рублей. Архиереи, не обольщаясь обещаниями духовного ведомства, самостоятельно пытались организовывать церковно-учительские школы на крупные частные пожертвования (например в Петербурге, Гжатске, Лубнах, Могилеве и т. д.).

В 1888 году, в год 900-летнего юбилея Крещения Руси, в Ремесленной слободе был заложен Князе-Владимирский храм, который был построен к 1895 году исключительно на средства В.А. Литвинцева, внесшего к тому же 20 тысяч рублей в качестве капитала для обеспечения причта. Василий Андреевич Литвинцев (1821–1895) был иркутским

***Церковь святого равноапостольного князя Владимира
(Литвинцевская)***

купцом первой гильдии, обладавшим значительным состоянием (аскетизм Литвинцева и его сестры Агриппины, жившей вместе с ним, часто являлся причиной насмешек окружающих). Под влиянием архиепископа Тихона (Троицкого-Донебина) В.А. Литвинцев изменил первоначальный замысел, наметив строительство не просто храма, а мужского монастыря для создания на его базе церковно-учительской семинарии — среднего педагогического учебного заведения для подготовки учителей в системе духовного ведомства. Видимо, проект монастыря был подготовлен Н.А. Ивановым еще при жизни В.А. Литвинцева, вопросы отвода земельных участков тоже, вероятно, были решены при его жизни, но церковно-учительская семинария была открыта лишь в 1900 году, спустя пять лет после его смерти. Из-за недостатка финансирования она практически бездействовала, хотя на устройство семинарии Литвинцевым было пожертвовано 400 тысяч рублей.

Иркутский Князе-Владимирский монастырь был открыт 20 мая 1903 года и просуществовал до 1920 года. Согласно указу Св. синода от 22 мая 1903 года братия монастыря должна была состоять из «начальствующих, учащих и служащих в семинарии» (5, с. 6). Архимандрит Иоанн (Смирнов), впоследствии архиепископ Иркутский и Верхотурский, управлял монастырем с июля 1903 по май 1908 года. Отцу Иоанну досталась обитель без монахов и семинария без педагогов, на монастыре к тому же висел огромный долг. С назначением его настоятелем церковно-учительская семинария начала свое фактическое существование.

При семинарии была открыта образцовая двухклассная церковно-приходская школа, предназначенная для педагогической практики воспитанников. По мере уплаты долга улучшалось содержание и обучение воспитанников: была пополнена библиотека семинарии, заведены библиотеки в образцовой школе и монастыре, открыты рисовальные классы и хорошо оборудованные столярные мастерские для производственного обучения. В отличие от других духовно-учебных заведений того времени, церковно-учительские семинарии (в том числе и Иркутская) были бессловными учебными заведениями, в них принимались юноши православного вероисповедания в возрасте 14–18 лет. Постоянно увеличивалось число казеннокоштных семинаристов, находившихся на полном казенном обеспечении.

Архимандрит Иоанн много времени и внимания уделял ведению канцелярской документации, лично составляя все входящие бумаги и протоколы заседаний совета семинарии. В

1907 году им было выдвинуто предложение о реорганизации семинарии в церковно-учительский институт.

Братия монастыря была немногочисленна. За хозяйственной жизнью семинарии следил штатный иеродиакон. Штатный иеромонах преподавал дидактику и педагогику, Закон Божий во втором классе образцовой школы; штатный иерей законоучительствовал в первом классе школы; сам ректор преподавал в семинарии гомилетику и составил по этому предмету учебное пособие.

Остальные педагоги — В.А. Тронин, Арефьев, Одинцов, В.Ф. Верномудров, сын известного иркутского протоиерея Ф. Верномудрова, — приглашались со стороны. Преподаватели получали квартиры с отоплением и освещением за счет семинарии. Позже, из-за недостатка помещений в зданиях семинарии, под эти цели был выделен отдельный двухэтажный причтовый дом, жилые помещения которого были обставлены за счет монастыря.

Окончившие Князе-Владимирскую церковно-учительскую семинарию обязаны были отслужить в церковно-приходской школе не менее трех лет, а в случае выхода из ведомства православного исповедания — выплатить совету семинарии 270 рублей за трехлетнее содержание и обучение. Окончивший семинарию юноша пользовался при отбывании воинской повинности военной льготой II разряда: учитель, не оставивший работы в школе до тридцатилетнего возраста, не призывался на действительную военную службу, а сразу зачислялся в запас. Выпускники при поступлении на гражданскую службу получали самый младший классный чин.

Ритм жизни регламентировался достаточно жестко. Он был скопирован с распорядка дня духовной семинарии, но был ближе к монастырскому. Обязанностью семинаристов являлось прислуживание в алтаре, чтение и пение при ежедневных утренних и вечерних богослужениях. В праздники на клиросах пели два хора, составленные из воспитанников семинарии учителем пения М.Н. Поповым. Некоторые из учащихся являлись одновременно монастырскими послушниками. В 1911 году число ее учащихся составило 49 человек.

Жизнь вне казенного общежития исключалась, воспитанники практически круглосуточно находились под контролем монастырского иеромонаха или своих же собратьев, выполнявших административные функции по поручению начальства. Можно предположить, что архимандрит Иоанн, выпускник Симбирской и бывший инспектор Вятской духовной семи-

нарии, применял к провинившимся семинаристам общепринятые меры воздействия. Таковыми являлись «голодный стол», когда во время трапезы подавались пустые приборы, «поставление на поклоны» («молитва»), когда вместо обеда или ужина студент публично клал поклоны перед иконами, «отеческое наказание» — розги (13, с. 165).

В начале XX века общероссийский общественно-политический кризис, охвативший все стороны жизни страны, отразился и на учебных заведениях духовного ведомства: «Семинаристы наши продолжают свои подвиги. Получены известия о взрыве в Воронежской духовной семинарии. Извещают еще о закрытии пяти классов в Самарской семинарии (за празднование 1 мая). На днях в газетах помещено было сообщение о закрытии Петербургской семинарии. Закрыта семинария и в Полтаве. В других семинариях бесконечные требования, демонстрации, забастовки положительно заполняют собою все учебное время. Самые занятия идут из рук вон плохо» (7, с. 538). В Иркутской духовной семинарии в 1901 и 1903 годах проходили длительные и хорошо организованные забастовки, распространялась «Искра», выпускались журналы «Порыв» и

***Иркутская церковно-учительская семинария.
Фото Т. Крючковой, 2006 г.***

Здания Иркутской церковно-учительской семинарии. Фото Т. Крючковой, 2006 г.

«Свисток» в «крайне противоправительственном духе» (16, с. 174).

Эти события отразились на жизни семинарии при Князе-Владимирском монастыре. В 1906 году отцом Иоанном был составлен устав монастыря и семинарии, который, после обсуждения и поправок, внесенных братией монастыря и членами педагогического совета семинарии, был утвержден архиепископом Тихоном. Устав, как и вся политика ректора-настоятеля, был достаточно жестким, особенно по отношению к учащимся, «увлекшимся либеральными веяниями». Практиковались массовые исключения воспитанников, которых в случае раскаяния принимали обратно. Во время серьезных беспорядков в средних учебных заведениях города Иркутска церковно-учительская семинария «сохраняла спокойствие и порядок».

Роль церковно-учительской семинарии не ограничивалась подготовкой учителей для начальных школ духовного ведомства. В 1908 году в связи с экспериментом по реализации проекта всеобщего обучения был поднят вопрос о преобра-

зовании трех мужских второклассных школ епархии в церковно-учительскую семинарию на базе Малышевской женской школы, образцом для которой должна была стать описываемая семинария при Князе-Владимирском монастыре.

Несомненно, что в начале XX века Сибирь нуждалась в собственном высшем духовном учебном заведении. Недостаток образованных священников, дефицит преподавательских кадров для шести сибирских семинарий, быстрое распространение сектантства, значительное количество инородцев-язычников — все это заставляло региональные съезды духовенства неоднократно поднимать вопрос об открытии в Сибири духовной академии. В качестве подходящих городов назывались Томск, обладавший университетом и технологическим институтом, и Иркутск, располагавший как хорошими богословскими библиотеками, так и педагогическими кадрами духовной и церковно-учительской семинарий.

Перемены, вызванные Февральской революцией, были одобрительно встречены духовенством губернии и в частности епископом Иоанном. 29 мая 1917 года в Иркутске открылся 49-й экстренный епархиальный съезд духовенства и мирян, в котором участвовало около ста делегатов (по 3–4 от каждого благочиния). Помимо прочего на съезде обсуждался вопрос о тяжелом положении духовно-учебных заведений и реорганизации их в государственные «гуманитарно-христианские гимназии» и «особые богословские институты», автономные от епархиальных структур (6, с. 167).

Временное правительство отказалось принять на государственное содержание духовно-учебные заведения, в том числе и аналогичные учебные заведения Иркутска, имущество которых было частично разграблено, а здания повреждены. Намечавшееся отделение церкви от государства означало передачу в ведение Министерства народного просвещения учебных заведений духовного ведомства всех типов согласно постановлению Временного правительства от 20 июня 1917 года. В 1920 году церковно-учительская семинария была закрыта одновременно с Князе-Владимирским монастырем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области, ф. 50, оп. 8, д. 194.

2. Благовещенский М., прот. К вопросу об учреждении высшей духовной школы Сибири // Енисейские епархиальные ведомости. — 1911. — № 13.

3. Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1897/98 учебном году. — Иркутск, 1898.

4. Будущее второклассных церковно-учительских школ как учебных заведений, приготавливающих учителей для школ грамоты // Иркутские епархиальные ведомости. — 1908. — № 1. — Прибавления.

5. Гагарин Д., прот. Преосвященный Иоанн, епископ Киренский, викарий Иркутский. — Иркутск, 1908.

6. Журналы Иркутского 49-го экстренного епархиального съезда духовенства и мирян Иркутской епархии 29 мая 1917 года. — Иркутск, 1917.

7. Енисейские епархиальные ведомости. — 1906. — № 14. — С. 534–545.

8. Каменев А.С. Церковь и просвещение в России. — Сергиев Посад, 1926.

9. К судьбе Иркутских духовно-учебных заведений // Иркутские епархиальные ведомости. — 1918. — № 5.

10. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. — 1896. — № 36.

11. Литвинцев В.А. Некролог // Иркутские епархиальные ведомости. — 1895. — № 18. — Прибавления.

12. Максимова М.Н., Падалко Д.А. Очерки из истории школ и просвещения Восточной Сибири в 1897–1917 гг. // Из истории просвещения Восточной Сибири / Под ред. И.В. Андреевой. — Иркутск, 1972.

13. Малеин И.М. Мои воспоминания. — Тверь, 1910.

14. Орфеев И., прот. От Енисейского епархиального училищного совета // Енисейские епархиальные ведомости. — 1911. — № 17.

15. Рашин А.Г. Население России за сто лет. — М., 1956.

16. Смесова О.А. Движение учащихся средних учебных заведений Восточной Сибири в период первой русской революции. — Томск, 1983.

17. Устав о воинской повинности // Свод законов Российской империи. — Т. 4, ст. 79, § 2.

ИСТОРИЯ ХАРГИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ КВАРЦЕВЫХ ПЕСКОВ

*Ольга Николаевна
Климина,
учитель высшей категории*

*Юлия Владимировна
Теньковская
ученица 11-го класса*

*Муниципальное образовательное учреждение
Центр образования № 8, г. Ангарск, Иркутская область*

Дважды побывав на месторождении харгинских песков, использовавшихся при производстве стекла, авторы получили большое эмоциональное впечатление от увиденного, но были удивлены отсутствием информации о месторождении, явно значительном в прошлом. Отсюда и возникло решение ликвидировать этот пробел в истории родного края.

Месторождение находится между 105° 45' восточной долготы и 52° 20' северной широты на верхних склонах отпадка пади Харгино северо-западного берега Байкала, в трех километрах от береговой линии на высоте 420 метров над уровнем озера. Попасть на карьер можно по тропе из бухты Песчаной, протяженность которой составляет 11 километров.

Название мыса, ручья, пади Харгино произошло от эвенкийского слова «харга» — «дикий олень, лес, дух — хозяин леса, черт, дьявол», употреблявшегося с глубокой древности в эвенкийской шаманской терминологии. Со слов егеря пади Сенной В.Н. Филатова, «Харгино» переводится как «урочище черного дьявола».

ГЕНЕЗИС МЕСТОРОЖДЕНИЯ

В 1878 году И.Д. Черский, описывая месторождение, делает выводы, что мысовидные отроги пади Харгино были образованы кварцитом, от разрушения которого образовался эксплуатируемый песок. Песок смывался в бывшие на поверхности отрога углубления, образовав месторождение кварцитовпесчаников белого цвета.

Толща песка не являлась однородной и была разбита на две категории: верхний слой — делювиальные пески, нижний слой — элювиальные. Надо отметить, что к стекольным пескам предъявлялся целый ряд жестких технических требований, так как кварцевый песок являлся в сырье главной, ничем незаменимой частью (состав сырья: песок и известняк 78 %, сода и сульфаты 22 %).

Во-первых, пески должны быть химически и физически однородными, то есть не должны содержать окремнелых кусков песчаника. По данным геологоразведки 1934 года, последние присутствовали в делювиальных песках в полнейшем беспорядке: то почти исчезали в их разрезе, то настолько их переполняли, что делали непригодными для использования целые участки месторождения.

Во-вторых, в них не должно быть примесей окиси железа, которые вызывают окрашивание стекла. Для хрусталя и оптического стекла содержание окислов железа должно быть равно нулю (содержание его в пределах 0,02 % допускается и позволяет изготавливать если не прекрасный, то все-таки хороший хрусталь). Делювиальные пески данного месторождения имели железистые включения в виде гнезд или неправильных зон большой вытянутости в вертикальном направлении.

В-третьих, в них должны отсутствовать примеси глинозема, которые снижают прозрачность и увеличивают тугоплавкость стекла.

Отмеченные особенности делювиальных песков Харгинского месторождения заставляли весьма осторожно подходить к ним как к сырью для стекольной промышленности в связи с тем, что их утилизация нередко была связана с необходимостью предварительного просеивания, а в случае значительного загрязнения железистыми соединениями делювиальные пески переставали быть полезными.

Элювиальные пески, в отличие от делювиальных, были более качественными, так как имели значительно меньшее количество окрашенных кварцито-песчаниковых включений. Именно они определяли практическую ценность месторождения, давая лучшие по качеству пески.

Падь Харгино. Фото О. Климиной, Ю. Теньковской, 2005 г.

Таким образом, если сравнить делювиальные и элювиальные пески с точки зрения возможностей их использования в стекольной промышленности, то предпочтение, несомненно, необходимо было отдать элювиальным пескам. Именно они определяли практическую ценность месторождения: во-первых, позволяли получать более качественную продукцию, во-вторых, мощность их в несколько раз превышала мощность делювиальных песков.

Кроме технических, к пескам предъявлялись и экономические требования:

1. Они должны обеспечивать бесперебойное снабжение завода недорогим песком высокого качества, с однородным, постоянным составом, в особенности для бутылочного и оконного стекла.

2. Ценность месторождения стекольных песков определяется условиями транспортировки, близостью путей сообщения и рынка сбыта готовой продукции стекольного завода.

Помимо сырья, большое значение в стекольной промышленности имели запасы топлива, поскольку они занимали большой удельный вес при производстве стекла, в значительной степени отражаясь на себестоимости готовых изделий. Поэтому проектирование стекольных заводов требовало максимального сокращения радиуса снабжения сырьем, то есть приближения завода к источнику сырья, что существенно снижало бы себес-

тоимость готовой продукции и в то же время уменьшало бы затраты по организации транспортной системы.

Всем этим требованиям соответствовали пески Харгинского месторождения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЯ

В 1878 году, исследуя береговую полосу Байкала, И.Д. Черский посетил окрестность Харгино. Изучив месторождение, ученый высказал предположение, что в прошлом добыча песка производилась для Тальцинского стекольного завода.

Изучая материалы, касающиеся Тальцинского стекольного завода, мы узнаем, что песок для производства стекла доставляли с берегов Байкала. Если взять во внимание, что Харгинское месторождение было единственным в округе Тальцинского завода и находилось в сравнительной близости от него (в 120 км по воде), то можно согласиться с предположением Черского и считать временем начала эксплуатации карьера 1784 год — год основания завода.

В 1892 году харгинские пески были вновь обнаружены охотником-тунгусом, который сообщил о них жителю села Боль-

***Карьер кварцевого песка. Фото О. Климиной,
Ю. Теньковской, 2005 г.***

шое Голоустное И.М. Стрекаловскому, взявшему подряд на разработку и доставку песка стекольным заводам (1893–1928 гг.). Кроме того, параллельно со Стрекаловским, с 1924 года разработку и доставку песка вел Больше-Голоустенский кооператив.

Потребителями песка в те годы были Тальцинский, Слюдянский и Верхнеудинский стекольные заводы. По данным, приводимым П.В. Сосновским, добыча песка для этих заводов достигала в 1924/25 году 2 471 тонны, в 1925/26 году — 5 306 тонн.

В 1927 году Восточно-Сибирское районное геологоразведочное управление провело разведочные работы, которые не дали никаких материалов для понимания геологии как самого месторождения, так и его окрестностей. Кроме того, П.В. Сосновский, видимо, не имел данных о работах Черского в этом районе и поэтому указал годом открытия харгинских песков 1892-й.

В 1931 году в Харгино работала вторая Ольхонская геологосъемочная партия под руководством геолога А.С. Кульчинского, который в своем отчете не затронул вопросы генезиса месторождения и привел крайне скудные сведения о харгинских песках.

И лишь в 1934 году геологоразведка, выполненная геологической партией под руководством начальника партии К.Ф. Река и зав. кабинетом литогенеза Я.Я. Яржемского, дала достаточно полную информацию о происхождении месторождения, его истории, представила сведения о количестве и качестве песков. Кроме того, Я.Я. Яржемским было предложено использовать пески, исходя из их исключительной пригодности, в литейно-формовочных цехах Иркутского машиностроительного завода.

Запрос на разведку месторождения поступил от улан-удэнского «Стеклостроя» для обеспечения сырьевых потребностей механизированного стекольного завода, пуск которого намечался в середине 1935 года. В связи с этим и встал вопрос о нахождении поблизости кварцевых песков, пригодных для стеклодела. Для этой цели под руководством горного инженера А.А. Орсова были посланы поисково-разведочные партии в долину реки Селенги, вдоль линии железной дороги Мысовая — Улан-Удэ, южные отроги Хамар-Дабана.

Эти поиски в 1934 году не дали положительных результатов, поэтому улан-удэнский «Стеклострой», учитывая пригодность харгинских песков в их прошлой эксплуатации, вынужден был остановиться на этом месторождении, хотя оно и находилось на далеком расстоянии от завода.

С 1934 года месторождение было в ведении двух крупных

предприятий: улан-удэнского «Стеклостроя», где сырье использовалось для стеклоделия, и Иркутского завода тяжелого машиностроения имени В.В. Куйбышева, который добывал песок для литейного производства. Общий запас песка по разведке 1934–1935 годов составлял 2 400 000 тонн.

Если обратиться к карьерному хозяйству, то необходимо отметить, что эксплуатационные работы далеко не полно учитывали геологические особенности месторождения (добыча производилась еще до разведочных работ). Выбирались делювиальные пески и самая верхняя часть элювиальных, то есть эксплуатационные работы велись с менее интересной частью продуктивной толщи (здесь чаще встречались обохренные участки, блоки, переполненные беспорядочно разбросанными окремнелыми обломками песчаников). Если прибавить к этому тенденцию к «подъему» дна карьера при высоте стенок самих карьеров не более 5–8 метров, где только на этом уровне начиналась наиболее интересная толща элювиальных песков, то становится понятной довольно сложная картина добычных работ.

Некоторое исключение представлял собой карьер завода имени В.В. Куйбышева, в котором работы велись более рационально и технически грамотно. Помимо толщи делювиальных песков частично эксплуатировалась верхняя зона элювиальных песков на глубину 3–8 метров мощности, чем и объясняется более высокое качество песка, добываемого заводом В.В. Куйбышева, по сравнению с сырьем «Стекло-строя».

Из отчета Я.Я. Яржемского на заседании районной комиссии Восточно-Сибирского геологического треста стало известно о нерациональной постановке дел при эксплуатации месторождения. Каждая организация работала совершенно самостоятельно: имела свое жилстроительство, свой гужевой и водный транспорт, свое снабжение фуражом и товаропродуктами из Иркутска, свои пристани и вела добычу песка на своих карьерах. Вопреки здравому смыслу и технической рациональности, машиностроительный завод добывал литейные пески исключительно хорошие, свободные от окислов железа, тогда как стеклозавод добывал стекольные пески худшего качества.

Комиссия выразила общее мнение о необходимости более рациональной организации дела, чтобы добытый песок распределялся согласно технологической целесообразности и расходы устанавливались пропорционально количеству отправленного каждой организацией песка, а также вышла с предложением о замене дорогого и громоздкого гужевого транспорта одним общим грузовиком.

ТЕХНОЛОГИЯ ДОБЫЧИ И ТРАНСПОРТА ПЕСКА

Небезынтересны сведения о быте рабочих и технических условиях добычи и транспорта песка, которые нам предоставила Дора Алексеевна Бахаева, 82-летняя жительница поселка Большое Голоустное, которая в молодости работала учителем в Харгинской школе.

В долине пади Харгино, с левой стороны от устья ручья Харгин, в 1935 году образовался рабочий поселок. Поселение было довольно значительным и насчитывало до 30 домов. Дома ставились по всей поляне, о чем свидетельствуют остатки фундаментов, с трудом различимые среди высокой травы. Дома представляли собой бараки коридорного типа на десять комнат. Комнаты были небольшие, рассчитанные на проживание двух человек. В каждой комнате имелась печка, выложенная из камней, у каждого дома был свой погребок, где хранилась провизия рабочих.

На краю поселка ближе к берегу Байкала стоял дом старосты — так было сподручнее решать все вопросы и руководить погрузкой песка, когда подходила баржа. В поселке имелась общая баня, была небольшая школа, в которой обучалось до 20 ребятишек разных возрастов. Единственным учителем в этой школе и была Дора Алексеевна.

**Жилище карьерного хозяйства.
Фото О. Климиной, Ю. Теньковской, 2005 г.**

На прииск нанимались люди в основном из поселка Большое Голоустное, которые приезжали сюда с семьями и обустроивались в бараках, а также демобилизованные после войны солдаты. Хорошее продовольственное снабжение привлекало сюда людей, несмотря на тяжелые условия труда и неустроенный быт.

Если подняться по довольно крутому склону на гору, то можно увидеть небольшое кладбище из нескольких едва различимых детских могил. По неизвестным причинам здесь хоронили только ребятишек.

Поскольку песок с карьера к берегу вывозился лошадьми, то в поселке имелись конюшня и кузница. Лошадей было много, так как все тягловые работы выполнялись только ими.

Со слов Ивана Ивановича Казакова, который подростком жил на прииске с родителями, нам стало известно, что на самом карьере проживало до 300 заключенных. Их быт был еще более неустроенным, о чем свидетельствуют полуразрушенные и покосившиеся дома, стоящие в стороне от карьерного хозяйства. Таким образом, нам удалось выяснить, что при добыче песка использовался труд как наемных рабочих, так и заключенных.

*Желоб, по которому спускали песок.
Фото О. Климиной, Ю. Теньковской, 2005 г.*

***Вагонетка, в которую загрузался песок.
Фото О. Климиной, Ю. Теньковской, 2005 г.***

В архивных документах мы находим сведения, также касающиеся обустройства быта рабочих: «Ключ Харгин снабжает водой карьерное хозяйство. Доставка питьевой воды в гору гужевым путем с подъемом метров на 150–200. Рабочий поселок у устья ручья пользуется водою Байкала. Лесом месторождение и поселок обеспечены вполне: находятся в таежном районе. Имеется достаточное количество строевого и топливного леса. Топливо употребляется только в жилищах. Стоимость дров около 8–10 рублей за куб» (1, с. 3–4).

Интересны методы транспортировки добытого в карьере песка. Как отмечалось, месторождение песков находится примерно на высоте 420 метров над уровнем Байкала. Особенно круты подъемы около месторождения, где дорога на протяжении полутора километров поднимается вверх метров на 250. Склоны боковых отпадов, примыкающие к месторождению, тоже чрезвычайно круты. Это обстоятельство было учтено и использовано для транспортировки песка: к югу от карьера по крутому склону небольшого распада был проведен деревянный лоток протяженностью около 250 метров. По этому лотку песок спускался на уровень дна ручья Харгин в трех километрах выше пристани. Для уменьшения трения движущегося пес-

***Рельсовый путь. Фото О. Климиной,
Ю. Теньковской, 2005 г.***

ка о дно лотка последнее было выстлано толстым листовым железом.

Кварцит вручную отбивался кайлой, которая была единственным орудием труда забойщиков. Затем порода загружалась в вагонетки и по рельсовой дороге доставлялась к лотку. После эстафету подхватывали лотошницы — в основном молодые женщины. Ссыпая песок в лоток, они бежали вместе с ним вниз, подталкивая его пихлом. Добежав до нижней части, они ловко спрыгивали с лотка, чтобы не угодить в кузов телеги. Песок загружался в ящики объемом 0,4–0,5 тонны и лошадьми доставлялся к берегу.

Гужева дорога до пристани была хорошо разработана и поддерживалась в относительном порядке. В тех местах, где она разбивалась, ее укрепляли бревнами, укладывая их поперек.

В районе самого поселка дорога была двухсторонняя: по ту и другую сторону от ручья. Через ручей до сих пор сохранился мосток, выложенный вышедшими из строя лотками.

Ввиду того, что на протяжении трех километров дорога имела приличную крутизну и лошади быстро выматывались, их не могли достаточно загрузить, поэтому инженеры геологоразведочной экспедиции вышли с предложением о замене «доро-

гостящего гужевого транспорта на грузовые автомашины» (1, с. 35), которые стали использоваться только с 1947 года .

Для загрузки песка рабочими был построен пирс, остатки которого можно сейчас увидеть с берега. Для его укрепления из распада в 300–400 метрах от поселка завозили камни и сваливали их недалеко от берега. Когда к пристани подходил грузопароход «Коммунист» с тысячетонной баржей «Лихтер», все население поселка от мала до велика выходило на загрузку (заставляли выходить на эти работы даже учительницу). При этом с причала на баржу прокладывался трап, по которому тачками завозили песок. Люди работали круглыми сутками. Однажды от тяжелой и продолжительной работы с трапа вместе с тачкой упала в воду мать двух маленьких девочек. Сестры, сейчас уже пожилые женщины, живут в поселке Большое Голоустное и из своей жизни в Харгино помнят только этот случай, так как в те годы были еще маленькими детьми. Удивляются, как их матери удалось остаться живой!

Для улан-удэнского завода песок доставлялся морскими баржами на противоположный берег Байкала к железнодорожной станции Ключевка, а там перегружался в вагоны и довозился до Улан-Удэ. Для завода имени В.В. Куйбышева песок доставлялся также баржами до порта Байкал, там перегружался в мелкосидящие речные баржи и отправлялся в Иркутск.

Со слов дочери Д.А. Бахаевой, жительницы Улан-Удэ, стекольный завод был очень крупным промышленным предприятием: там производились оконное стекло, стеклотара, стеклянная посуда, хрустальные изделия. Продукция не только распространялась по нашей стране, но и импортировалась за рубеж: в США, Монголию, Китай. К сожалению, в перестроечный период завод был остановлен и постепенно разграблен. В настоящее время средств для восстановления стекольного гиганта нет.

По воспоминаниям Д.А. Бахаевой, разработка карьера закончилась в 1954 году, после чего она, как и другие, уехала в Большое Голоустное, где проживает и сейчас.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет геологоразведывательной экспедиции К.Ф. Реки и Я.Я. Яржемского 1934/35 г. // Фонды ФГУГП, Иркутскгеология, сектор минеральных ресурсов. Шифр 445–190–5 М1(1).

2. Артемьев А.Р., Бычков О.В., Тихонов В.В. Исследования истории Тальцинского стекольного завода // Тальцы. — 2000. — № 2 (9).

3. Гурулев С.А. Реки Байкала: Происхождение названий. — Иркутск, 1989.

СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ В ДОВОЙ РЕЗЬБЕ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»

*Марина Черметовна Голендеева,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

Идея охраны человека, его жилища, предметов быта, домашних животных при помощи различных магических изображений возникла в незапамятной древности и просуществовала очень долго. По представлениям древних славян, анимистическая повсеместность рассеянного в природе зла была столь велика, что ей не мог противостоять человек. Поэтому человек должен был защитить себя с помощью охранительной символики. Защищали прежде всего свои «хоромы» и одежду.

Орнаментировали дом доброжелательными языческими символами, размещенными на самых уязвимых участках жилища и двора. Обратим внимание, что и в архитектуре, и в одежде был проведен последовательно один и тот же принцип размещения заклинательного орнамента — орнаментировались все проемы, все отверстия, через которые всевозможные «злыдни» могли проникнуть к человеку. Декоративные (а в свое время магическо-заклинательные по смыслу) элементы располагаются на воротах, вокруг окон, у застрехи; то или иное «священное» изображение (конь, олень, богиня и птицы, солнце) увенчивало наивысшую точку дома — щипец крыши.

«Сумма подобных берегов, постоянно присутствующих на всех уязвимых участках дома, и превращала каждую „хоромину“ в недоступное для „навий“ убежище всех членов семьи», — пишет академик Б.А. Рыбаков (4, с. 464). Внутри дома все обиходные предметы тоже были покрыты охраняющими знаками, облегчавшими одоление зла внутри убежища. Традиционно в домовой резьбе славянского жилища большое внима-

ние уделялось окнам, через которые могли проникнуть «вездесущие навьи». Щели в оконницах, сквозняки, зимний холод, все то, что могло вызвать болезнь, — все это преобразалось в сознании древних в образы невидимых, неосязаемых «навий», несущих людям «на злых ветрах» различные несчастья. В связи с этим возник такой важный элемент заклинательного декора, как наличник, обрамление окна, обычно обильно насыщенное языческой символикой. Обрамление окон было всегда очень значимым элементом, ведь оконный проем — это не только окно в мир, в «белый свет» для обитателей избы, но и глазок для чужих людей и сторонних злых сил, которые могут подглядеть в него жизнь внутри жилища.

Сибирские переселенцы XVII века, осваивая Западную и Восточную Сибирь, несли с собой традиции домовой резьбы Русского Севера и средней части России, которые, в свою очередь, были основаны на древнеславянских языческих представлениях. «Изба русского крестьянина — это не просто его жилище, это его мир, в котором отражена вся вселенная и определено свое место в ней. Дом служил защитой, оберегал. Эти орнаменты и детали — это просьбы и пожелания,

***Охлупень-конек на крыше дома усадьбы Сотой.
Фото А. Голендеева, 2006 г.***

Конек амбара усадьбы Сотой. Фото В. Щербина, 2006 г.

обращенные к силам природы и символизирующие единение с ней человека» (2, с. 11).

Примером тому могут служить архитектурные ансамбли, находящиеся на территории музея «Тальцы». Если посмотреть на избы усадеб: Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в., д. Гарманка Братского района), Серышева (вторая половина XIX в., д. Дубинино Нижне-Илимского района), Прокопьева (конец XIX в., д. Зырянова Нижне-Илимского района), усадьбы волостного села (конец XVIII – начало XX в.), то можно видеть одинаковой формы *охлупень-конек*, имеющий зубчатое строение. На всех избах охлупень четко выделяется на самом щипце крыши. Он массивен, форма его сильно стилизована. Не сразу можно увидеть в нем птицу или коня. Охлупень выполняет главное свое назначение. Для русского человека самое главное было спасти свои «хоромы» от «мирового зла». Именно поэтому самую высшую точку дома защищают солнечный конь-охлупень и полуденное солнце на «полотенце», спускающемся под охлупнем на избе усадьбы Прокопьева.

Этнографические исследования свидетельствуют об устойчивом и широко распространенном изображении «небесных хлябей» «верхнего неба» — волнистых линий, на приче-

линах домовых кровель. Самым частым является волнистый орнамент, или узор из «городков», которые на расстоянии воспринимаются как волны. Обычно волны идут в два ряда, как бы подчеркивая глубину «хлябей». Очень часто наряду с волнистыми линиями изображаются небольшие кружки, очевидно, символизирующие дождевые капли, те «груды», которые, по мнению язычников, являлись причиной жизни на Земле. «Грудие росное» — «капли росы, живительной влаги небесной. Русские язычники полагали в XII–XIII веках, что роса, опадающая с небес в виде тумана-облака, посылается богом неба Родом именно как всерождающая влага жизни» (3, с. 474).

Нам известно о существовании причелин с изображением волнистых струй в Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской областях, в русских селах Карелии и в ряде других мест центральной России, севера страны и Сибири.

Исключительно важным является наличие точно таких же причелин, с таким же струйчатым узором на избах усадеб, представленных на территории музея «Тальцы». Причелины с волнистым орнаментом мы можем видеть на

**Конек и причелины на доме Прокопьева.
Фото А. Голендева, 2006 г.**

***Коньки на постройках усадьбы Прокопьева,
Фото В. Щербина. 2006 г.***

избах усадеб Прокопьева (конец XIX в.), Зарубина (начало XX в.), дома-одноколка (середина XIX в.), на Спасской проезжей башне Илимского острога (1667), на Казанской церкви (1679), в усадьбе Сотой (конец XVIII – начало XIX в.). Семантика узоров этих причелин дает нам идеограмму воды в виде переплетающихся струй и более устойчивое, удерживающееся с середины XIX века, изображение «женских грудей» в виде повторяющихся простых волн, как на причелинах Казанской церкви и башни Илимского острога, или в виде парных изображений двух грудей, образующих в своей повторяемости волнистый узор, который изображен деревенским мастером на подзорах крыши ворот усадьбы псаломщика, на причелинах фриза домов усадьбы Прокопьева и Сотой.

Причелины усадеб музея «Тальцы» конца XVIII – начала XX века показывают оба воплощения идеи небесной воды — и ритмично расположенные по всей причелине «женские груди», и парные их изображения. «Домовая резьба XIX века содержит почти все элементы небесно-водяной символики (известные нам по Новгородской резьбе): схематическое изображение пары женских грудей, зафиксированное наход-

ками XIII–XV веков, широко бытует в домовая резьбе Русского Севера» (1, рис. 73, 85, 88).

Причелины русских изб украшались в два–четыре ряда, тот же порядок мы видим на карнизе и причелинах дома Прокопьева (конец XIX в.). Верхний ряд занят зигзагообразной линией, являвшейся архаичной и устойчивой идеограммой воды, в данном случае — «хлябей небесных», недостижимых дождевых запасов. Система построения декора избяных причелин состояла в том, что проводились две неразрывно связанные друг с другом идеи: во-первых, наличие в верхнем небе (над твердью) запасов дождевой воды (зигзаги и меандры), а во-вторых, передача этой воды вниз, на землю к пахарям, показанная посредством мифологического символа груди небесных богинь, орошающих землю «родивыми грудями росными».

Широкое бытование этой системы на всем Русском Севере позволяет нам считать ряды узоров русских причелин на избах XIX века, находящихся в музее, не случайным набором орнаментальных приемов, а пережитком древних космологических представлений о небесах, дающих дождь.

Конек амбара усадьбы Зарубина. Фото В. Щербина, 2006 г.

С удивительной строгостью соблюдалась эта древняя картина мира в системе архитектурного убранства, явившегося повторением макрокосма в микрокосме славянского жилища; путь солнца по небу подчеркнут тем, что для показа солнечных знаков в надлежащей зоне применялись искусственные, не игравшие никакой конструктивной роли особые доски-«полотенца», спускавшиеся от причелин вертикально вниз. Солярные знаки на этих «полотенцах» размещались ниже зоны небесных вод причелин, на фоне затененного кровлей фронтона.

Такое «полотенце» можно увидеть в одной усадьбе музея — усадьбе Прокопьева. Оно находится точно под коньком охлупня, в месте нахождения полуденного солнца. «Полотенце» имеет простой «городковый» орнамент по нижнему краю, солярного знака на нем не изображено. Полдненное солнце изображалось на фасаде избы на самом верху, под фигурой главенствующего коня, но все же ниже «хлябей небесных», являвшихся верхним небом.

Интересной формой выделяются *повалы* на всех избах усадеб, находящихся в экспозиции музея «Тальцы». Повалы — выступы до 1,5 метра двух-трех верхних бревен сруба — служили для поддержки кровли, выдвинутой далеко вперед от главного фасада. Повалы всегда были очень важной конструктивной деталью русских изб. Так же как и охлупень, традиционно повалы имели вид конской головы. Это мы можем увидеть на избах Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в.), Московского (конец XVIII в.), Серышева (вторая половина XIX в.), Сотой (конец XVIII – начало XIX в.). На этих избах повалы имеют почти одинаковый вид стилизованных бегущих лошадок (коней). Не сразу можно увидеть форму коня. Морда коня совсем не натуралистична. Только по характерной криволинейной форме можно угадать, что повалы вырезаны в виде «солнечных коней» с ногами в форме гроздей-полуваликов. Такая форма повала с полуваликами (от двух до шести штук) характерна именно для сибирских изб русских переселенцев. Ее семантический смысл понятен сразу, ведь конь — это символ солнца — солярный знак, главный «защитник» русской избы от злых сил.

В усадьбе Сотой повалы имеют форму не одного, а двух коней, расположенных друг над другом, как бы бегущих в табуне. В доме-одноколке (середина XIX в.) (усадьба псаломщика) повалы имеют совсем иную форму. В этой усадьбе все декоративное убранство выполнено в одном стиле. И конек, и повалы, и оформление наличников окон вырезаны в виде

трехъярусных зубчатых линий. Весь декор избы-одноколка пронизан символикой «небесной влаги» — живоносной воды богини-матери.

Со второй половины XIX века в Сибири получила широкое распространение художественная обработка наличников. Деревенские сибирские мастера любили украшать наличники геометрическим орнаментом. Преобладающими мотивами были солярные розетки (полукруги), ромбы, круги. Особенно часто встречаются в городах и селах Сибири наличники в стиле *барокко*. Сибирские деревенские наличники отличаются от городских наличников барочного стиля тем, что чаще всего между волютами вместо вазона и балясины в середине композиции помещены сложные геометрические, зооморфные, антропоморфные элементы или солярная розетка.

Наличники изб усадеб музея «Тальцы» несколько выделяются из группы барочных наличников, распространенных по всей Западной и Восточной Сибири. Мы видим барочные элементы наличников только на двух избах — Непомилуева и Зарубина.

Причелины Казанской церкви. Фото А. Голендеева, 2006 г.

***Наличник окна дома Непомилуева,
Фото А. Голендеева. 2006 г.***

Усадьба Зарубина построена в начале XX века, когда художественная обработка дерева достигла расцвета. Поэтому из всех представленных в экспозиции музея наличников наличники избы Зарубина наиболее отражают характерные для сибирского барокко композиции и элементы.

На верхней доске видна архаичная система из трех солярных знаков-кругов, что вполне согласуется с семантическим значением трехчастной экспозиции из трех солнц (утреннее, вечернее, полуденное), описанной исследователями домовой резьбы (Б.А. Рыбаков

и др.). Но в то же время по левому и правому краям имеются барочные завитки и верхний край доски обработан в виде барочной композиции. В центре доски напоминает «досчатое полотенце» под охлупнем крыши, по бокам сжатое «кудриной». Подоконная доска (нижний край наличника) украшена в виде волнистых линий, символизирующих «небесные хляби» или «грудие росное». В целом орнаментация наличника избы Зарубина не выделяется особо пышной резьбой, присущей избам севера России. Орнаментальные мотивы наличника очень скромны и немногочисленны.

Если сравнивать наличники в усадьбах Зарубина (начало XX в.) и Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в.), то можно сделать некоторые выводы. Композиции на верхней и нижних досках наличников имеют большое сходство. На наличниках окон избы Непомилуева также имеется трехчастная композиция из солярных знаков, средний круг более крупный, по бокам круги имеют «вытянутый хвост»,

похожий на архаичные «крины-ростки». По бокам верхней доски наличника тоже имеется два барочных элемента — прорезные дуги. Верхняя часть наличника — трехчастная композиция, напоминающая архаичную «женщину с птицами (конями)».

Из сказанного можно заключить, что, скорее всего, наличники избы Непомилуева — это новодел или время их бытования указано не совсем точно.

Наличники других усадеб не имеют декоративной резьбы. Это усадьбы Сотая, Московского, Прокопьева, Серышева. На избах этих усадеб верхний край наличников ровный, прямой, без барочных элементов. Нижняя подоконная доска также прямая, без украшений.

Сибирские деревенские мастера, зная основные композиционные элементы домовой славянской резьбы, вносили свои мотивы орнамента, заимствованные из городской архитектуры середины XIX века. И хотя древний магический смысл орнамента домовой резьбы к концу XVIII века был практически забыт, главные его мотивы и способы размещения элементов орнамента остались почти неизменными и передавались из поколения в поколение мастерами-резчиками по дереву, строителями и плотниками. Особенно хорошо это видно на примере деревянной домовой резьбы, сохранившейся в сибирской глубинке. А потому такое важное значение приобретают сохранение и изучение декоративно-прикладного искусства сибирских переселенцев конца XVIII – начала XX века, представленного в экспозициях музея «Тальцы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Забелло С.К., Иванов В.Н., Максимов П.Н. Русское деревянное зодчество. — М., 1942.
2. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Дерево и гармония. — М., 1998.
3. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. — М., 1948.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М., 1988.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 2002.

КАЗАЧЬЯ ОДЕЖДА ВЕРХНЕГО ДОНА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Нина Григорьевна Майборода,
главный хранитель Государственного
музея-заповедника М.А. Шолохова,
станция Вёшки, Ростовская область*

Вернемся приблизительно на 100 лет назад и посмотрим, как в это время одевались казаки на Верхнем Дону.

В Государственном музее-заповеднике М.А. Шолохова есть воспоминания, фотографии, коллекции собранной казачьей одежды конца XIX – начала XX века, которые и помогут нам охарактеризовать это время. Старинная казачья одежда — это летопись жизни наших предков. Она вечная и никогда не исчезнет.

Женщины во все времена любили красиво одеваться. А в праздничные дни особенно. Одежда — это лицо каждой женщины. Прежде всего хочу заметить, что костюмы, одежда, которую мы имеем в фондах, 46–48 размеров. Это свидетельствует о том, что казачки соблюдали посты и имели красивые фигуры.

У костюмов, что у нас имеются, очень красивые линии силуэта, цветовые гаммы, линии кроя. Мода того времени очень интересна. Она говорит о хорошем вкусе казачек. Яркие цвета одежды свидетельствуют о том, что ткани для нее подыскивали, готовили к празднику, они, в свою очередь, создавали праздничный настрой, легкость фактуры, цветовые эффекты. Это ткани шелковой группы: туаль, альпак, атлас и др.

Зимним нарядом казачкам служила донская шуба. Их в музее несколько. «Она шилась на лисьем или куньем меху, до пят, без застежки, с удлиненными рукавами и покрывалась красивой дорогой тканью: парчой, атласом, тисненой узорной шерстью. Для тех казачек, у которых были маленькие дети, крой был особый. Правая пола шилась длиннее, под полу клали младенца и закутывали ею ребенка. Рукава были длинными и с оторочкой меха, можно было в рукава прятать

руки, чтобы согреть, и они создавали видимость муфты. По праздникам с шубой носили шали, очень красивые.

Были и белые овчинные „накрытые“ шубы, отороченные по краям рукавов, по полю и низу узкой полоской курпея, то есть шкурой молодого ягненка. Были шубы и без оторочки, подпоясанные вязаным шерстяным шарфом синего, зеленого или красного цвета» (1, с. 29). Юбки казачки носили длинные и широкие, летом — легкие, зимой — теплые, из шерсти.

В то время праздничные юбки изготавливались из покупной ткани: ситца, сатина, бархата, батиста, нанка, малескина, репса, кашемира. Сейчас и наши модницы ходят в красивых модных пальто из кашемира, как видите, мода на эту ткань вернулась через 100 лет.

«Самые модные юбки шили в то время чаще из бенгалина. Чего только нет на этих юбках, сборки и оборки по подолу, клинья, пуговицы, бисер, ленты, кружева, оторочка другой тканью. Одевали по 4–5 нижних юбок. Чем богаче была казачка, тем больше юбок. Теплые юбки шили на теплой подкладке и внизу со щеточками. Они не давали низу подола изнашиваться.

Шили очень красивые кофты или блузки из того же материала, что и юбки. Украшения блуз были тоже очень разнообразны: кружева и прошвы, жемчуг, бисер, ленты, пуговицы.

Иногда одежда казачки стоила столько, сколько стоит казачий курень» (3, с. 125).

А рукодельницами были казачки отменными. Собирались вечерами, пряли и вязали. Вязали чулки шерстяные на спицах из сученой шерсти — черные, белые или узорные: сверху белые, ниже — черными полосами и зигзагами. Носили чулки с обувью. А в начале XX века пришла мода на резиновые галоши. Их стали носить с белыми шерстяными чулками, и сейчас нам приходится на станичных улицах встречать отголоски этой старинной моды.

Почти у каждой женщины на Верхнем Дону была коклюшная шаль или косынка, но вязать на коклюшках умели не все. И работа мастериц-коклюшниц пользовалась большим спросом.

В конце XIX века пришла к нам и новая мода на обувь. Появились полусапожки с цветными гарусными чулками, башмаки с ушками, чирикú (черевички), гусарики.

«Чирикú — праздничные туфли с гладкой кожаной подошвой, вырезом сверху, с ушками и бантиком. Носили их летом по сухой погоде. Надевали их и на шерстяной чулок. Чулки носили без подвязок.

Женские костюмы конца XIX – начала XX века. Демонстрируют сотрудницы музея-заповедника М.А. Шолохова

Были и гусарски — праздничные кожаные цветные сапожки на каблучке, в конце XIX века их носили девушки и женщины из зажиточных семей. Пожилые женщины ходили в ботинках с провками, в которых только задник, бока и носок отделаны кожей; носили их с галошами. А суровой зимой носили валенки мужчины и женщины только из зажиточных семей. Валенки с короткими голенищами надевали по дому, а с длинными — в дорогу» (1, с. 79).

По сей день сохранилась у нас мода на обувь, вязанную крючком из сученой шерстяной пряжи без завязок. У многих казачек пожилого возраста можно их увидеть и сейчас.

А еще по вечерам казачки ткали пояса. Ткали их для своей семьи из шерстяных ниток, голубых, синих, красных, черных, белых. Такой пояс носили поверх рубахи, юбки. Длина пояса была 1,5–2 метра и ширина 3–4 сантиметра. На концах пояса делалась бахрома из оставленных ниток. Для мужчин плели широкий пояс из шерсти (синей или красной). Пояс назывался кушак. Им подпоясывали сукман.

В конце XIX века на Верхнем Дону вошел в моду головной убор казачек — колпак. Это праздничный головной убор замужних женщин. Колпак вязали из шелковых или бумажных ниток в форме чулка с махрами.

При выходе на улицу поверх колпака надевали платок, который в помещении снимали, оставаясь в колпаке, на головке колпак имел вид плотно облегающей повязки.

В начале XX века в обиходе у молодых женщин появилась «шлычка», которая надевалась на пучок волос и прикалывалась блестящей шпилькой. Вот как рисует облик Аксиньи М.А. Шолохов в романе «Тихий Дон». «Ветер трепал на Аксинье юбку, перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки. На тяжелом узле волос пламенела расшитая цветным шелком „шлычка“...» (цит. по: 2, с. 43).

Мода на платки была всегда. В быту встречались платки из холста с тканым узором по краям, обшитые бахромой из шерсти, из набивного ситца (по красному фону синие, желтые, зеленые, черные цветы), платки из атласа или шелка, алого, зеленого, синего, желтого цвета, в крупную и мелкую клетку (с кистями по краям). Платок был будничным и праздничным головным убором. Девушки носили платки, завязав их под подбородком. Женщины делали завязку платка сзади. Зимой носили полушалки или шали — «бумажные» или шерстяные.

Женщины долго сохраняли одежду тех мест, откуда они пришли на Дон. Историк В.Д. Сухоруков писал, что одежда жен казачьих старшин отличалась восточной пышностью и богатством. В одежде особенно чувствовалось влияние Востока. Казаки приходили из военных походов и приносили красивые украшения матерям, женам, сестрам, детям.

Головы казачки

Костюмы начала XX века. Демонстрируют сотрудницы музея-заповедника М.А. Шолохова

Повседневный женский костюм начала XX века. Демонстрирует сотрудница музея-заповедника М.А. Шолохова

должны были обязательно покрывать. Покрывание головы связано с поверьем древних славян о том, что волосы женщины обладают магической силой. Выходя замуж, она становилась членом чужого рода и, чтобы не принести вреда своему мужу и его родне, должна была тщательно скрывать свои волосы.

Одежда казачки, живущей в верховьях Дона, в начале XVIII века состояла из рубахи, балахона, за́вески. Рубашка является самой древней одеждой обитателей Восточной Европы, в том числе и славян.

«Во второй половине XIX века особой популярностью среди казачек стали пользоваться павлово-посадские платки и шали. Свое существование павловские платки берут с 1863 года, когда

Яков Лабзин открывает кустарную мастерскую по набивке шалей и платков на тонкой шерстяной ткани — кашемире. Первоначально рисунок на платках был не крупным, многие шали имели восточный орнамент в подражание турецким и индийским» (1, с. 79).

Но в начале XX столетия стали изготавливать платки с алыми, белыми, желтыми розами. Эти платки можно было приобрести в станичных лавках и магазинах.

Таким образом, в заветном сундуке казачки скапливался большой набор платков, предназначенных для каждого случая жизни: для сенокоса, свадьбы, поминок, посиделок, для воскресенья, для покрывания под шаль и т. д. Старинные русские тканые шали и набивные платки и сегодня восхищают красотой, бесчисленностью сказочных узоров, удивительно

смелыми композициями, праздничными цветовыми сочетаниями. Это богатейшее наследство наших предков.

Удивительно красивые платки, шали, подшальники ткались и изготавливались способом ручной набивки в многочисленных мелких мануфактурных заведениях России. Спрос на них был огромный. «Стоили шали баснословно дорого и как великая ценность продавались за золото. Мерное полотно под названием „кашемировое“ не замедлило привлечь внимание зарубежных деловых людей. Так, мерное полотно помещицы Веры Андреевны Елисеевой из Нижне-девицкого уезда турки покупали и увозили в Турцию, разрезали его на куски, пришивали к нему свою бахрому и продавали даже в Багдаде и Басре, выдавая за всемирно известные в то время шали индийского княжества Кашмир» (2, с. 78).

На общем фоне казачьей женской одежды платок не только служил ярким цветовым акцентом, но и мягко обрамлял лицо.

Любили казачки в праздники надевать и украшения: монисты, ожерелья. Они изготавливались из бисера, жемчуга, разноцветных круглых, продолговатых, граненых бус, нанизанных на льняные нитки. Носили их женщины и девушки, по 3–7–12 ниток. Из жемчуга бусы носили более состоятельные казачки.

А как же одевались казаки? Из «Описи имущества полкового есаула А. Рящина» (документ датирован 1789 г.) мы узнаем, что у него было «три чекменя: один сталевого сукна и два обложенных золотой тесьмой, четыре шапки, бархатная, две суконных с серым курпьяком и зеленая с сайгаком, рубашка белая, халат зеленый и шуба красного сукна» (цит. по: 2, с. 80).

Походная одежда казака состояла из грубого суконного зипуна, подпоясанного ремнем, шаровар, убранных в голенища сапог, и шапки из овчины.

Зипун — это вид распашной одежды без ворота, с узкими рукавами, надевавшийся поверх рубахи.

Особые условия жизни донских казаков — воинов и охотников, активных защитников пограничных рубежей, страстных борцов за свободу — наложили отпечаток на культуру и быт казачества, устройство их жилищ, обычаи, обряды и, конечно, одежду.

В своеобразном облике донской казачьей одежды гармонично слились черты, характерные для многих народов. Приходили и беглые на Дон в своей русской одежде, а здесь

носили одежду, которая попадала им в качестве добычи в походах и поисках.

Когда московское правительство стало присылать казакам жалованье, то в числе других предметов им присылали сукна. Существует легенда, почему казаки синие штаны стали отделявать красными лампасами. Как известно, царь присылал казакам за военную службу жалованье, которое состояло из пороха, селитры, хлеба, оружия и сукна обычно красного и синего цвета. Казаки собирались на кругу и делили все поровну. Когда очередь дошла до сукна, то выяснилось, что синего привезли в достаточном количестве, а красного — совсем мало, и когда все поделили поровну, то синего сукна досталось всем по большому куску, а красного — по небольшой полоске, которой хватило только для того, чтобы синие штаны отделать красными лампасами.

Казачки научились из овечьей шерсти ткать тонкое сукно, но домотканую одежду казаки носили большей частью дома и в походах, а во время праздников очень любили блеснуть необыкновенной пышностью в одежде.

Быстрый процесс экономического развития Дона в 80–90-х годах XIX века, сопровождавшийся ростом неказачьего населения, ломал рамки казачьей замкнутости, способствовал исчезновению особенностей быта, поэтому и менялся стиль в одежде.

Мужская одежда в большей степени определялась военной формой. В течение всего XIX века форма постепенно упрощалась. В конце XIX века она была заменена новой, существовавшей с некоторыми изменениями до революции.

Казачья форма прочно вошла и в быт казаков. Донашивали ее и дома во время хозяйственных работ. На ноги, кроме сапог, надевали чирюхи, зимой — валенки.

Во всех округах области Войска Донского в казачьих станицах и хуторах мужчины носили рубашки, жилеты, порты, зипуны из грубого домотканого сукна, тулупы, сапоги, валенки, картузы, треухи и т. д.

Наши предки никогда не расставались с рубашкой. Рубаха не только защищала от палящих лучей солнца во время полевых работ и охоты, она являлась средством удовлетворения эстетических и утилитарных потребностей, она как бы заключала в себе магическую силу, была оберегом. Она оберегала от зла, если бы кто захотел причинить его владельцу рубахи. Вот почему русские люди во все времена не расставались с нею. Она стала для них священной. Ее надевали на ново-

рожденного сына, в ней взрослый шел к венцу, в ней клали в гроб. Уже позднее русские солдаты и офицеры, перед тем как пойти в смертельную атаку, непременно надевали чистую белую рубаху, нередко с вышитым на ней где-нибудь в потайном месте знаком — оберегом.

Несмотря на изменения, которые происходили в форменной одежде казаков в XIX веке, она еще сохраняла элементы национальной одежды к началу Первой мировой войны. Но первые же боевые действия заставили внести изменения. Так, приказом по военному ведомству от 18 октября 1915 года «Об упрощении казачьего обмундирования» в казачьих частях вводилась гимнастерка пехотного образца и фуражки. К 1917 году казачья форма имела одинаковый вид с общевойсковой, за исключением парадной формы офицеров и нижних чинов, где еще сохранились фуражки с красным околышем и выпушкой по тулье.

Особое место в мужской одежде занимала шапка. Казак мог продать или пропить все, но не крест, шапку и шашку. Важную роль шапка играла при выборе атамана. На круге каждый выступающий, выходя в круг, снимал шапку, что означало покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение, остальные казаки находились в шапках. Но когда атамана выбирали, роли менялись. Атаман торжественно надевал атаманскую шапку, а все казаки, наоборот, снимали. И с этой минуты атаман был главным.

«Единая казачья форма для всех казачьих войск была

***Парадный портрет казака
с супругой. 1910 г.***

введена в 1801 году. Донские казаки носили темно-синий суконный чекмень и шаровары; обшлага, воротник и кант разного цвета в зависимости от полка; на голове кивер, высокий головной убор, украшенный белыми нитяными шнурами и кистями с султаном из белых, черных и оранжевых перьев. Чекмень подпоясывался кушаком. В летнее время вместо чекменей носили темно-синие куртки, заправленные в шаровары. В такой форме изображались казаки на старинных гравюрах периода Отечественной войны 1812 года» (1, с. 135).

В конце XIX века казаки расстались с чекменями, как когда-то с зипунами и кафтанами. Форма донцов стала строже и проще: синий мундир с красным кантом на обшлагах и на воротнике, синяя фуражка с красным околышем и красным кантом, брюки с красными лампасами, форменная шинель, папаха с красным верхом и сапоги.

Общий стиль одежды казаков сложился в быту на протяжении длительного времени, он всегда соответствовал облику казака, его образу жизни, труду, идеалу красоты.

Все детали в казачьей одежде определяли ее особенности, создавали ее колорит.

Коллекция, собранная сотрудниками Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова, раскрывает перед нами целостную картину ансамбля казачьей одежды конца XIX – начала XX века. Она по-своему уникальна и красива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапенко М.П. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. — Ростов н/Д, 2002.
2. Донской народный костюм. — Ростов н/Д, 1986.
3. Новак А.А., Фрадкина Н.Г. Казачий курень. — Ростов н/Д, 1973.
4. Филонов А. Очерки Дона. — СПб., 1859.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ XVII ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ТОПОНИМИКЕ

*Станислав Андреевич Гурулёв,
кандидат геолого-минералогических наук,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

Колонизация Российской империей обширной по размерам территории Сибири в силу преимущественного развития в XVII веке водного транспорта проходила, как правило, по рекам. На удобных для сельского хозяйства землях, пригодных под пашню, для занятий скотоводством, со временем оседало, особенно вокруг первых острогов, население. Притоки крупных рек осваивали охотники, добывавшие «мягкую рухлядь» — пушнину, среди которой на первом месте стоял соболь. Освоение крупных и малых рек обычно начиналось с устьев, кроме Лены и Амура, которые русские осваивали с верховьев. И даже здесь, на Лене и Амуре, их притоки начинали исследоваться от устьев к верховьям.

Поднимаясь от устьев рек по направлению к их верховьям, исследователи определяли притоки рек по «правилу рук». С левой стороны, с левой руки они фиксировали те притоки, которые ныне считаются правыми; и, соответственно, с правой стороны, с правой руки фиксировались притоки, которые ныне считаются левыми. Подобная фиксация речных притоков была характерной для всего XVII века и, видимо, XVIII века. Таким образом описывались речные системы как рядовыми землепроходцами, многочисленными примерами чего можно найти в опубликованных документах, так и весьма эрудированными и грамотными путешественниками того времени, как, например, Н.М. Спафарий. Подобные принципы описания рек сохранялись и в первой половине XVIII века, что можно видеть на примере путевого дневника С.Л. Владиславича-Рагузинского датированного периодом с 12 октября 1725 года по 18 декабря 1728 года.

подходящему с правой руки, — Правый(ая). Современная система определения речных притоков эти водотоки определяет как Правый(ая) и Левый(ая), соответственно.

В ряде районов юга Сибири сохранились и дошли до наших дней определения (к названиям) сливающихся рек, характерные для старинной системы. И это позволяет при исследовании гидронимии определенных районов говорить о том, что гидронимы восходят хронологически к XVII веку. Приведем выявленные нами примеры гидронимов начальных этапов освоения Сибири русскими землепроходцами и исследователями.

В бассейне Голоустной, текущей в Байкал по его западному побережью, русские выделяли крупный правый приток реки, который они называли Уруитин. Это название сохранилось на анонимной карте Байкала 1806 года (рис. 1). Ныне этот приток известен под названием Урунтин, которое предлагается производить от эвенк. *урутн* — копыто. Как показано на карте, река Уруитин образована слиянием двух составляющих — Л[евый] Уруитин (это правая составляющая) и П[равый] Уруитин (левая составляющая). Ныне у реки ее составляющие не показываются, ибо, судя по современным картам, за правую составляющую реки (Л. Уруитин) русские ошибочно принимали один из ее верхних правых притоков. То есть со временем правая составляющая реки была переведена в ранг притока. Естественно, отпало при этом и название П. Уруитин.

На карте Байкала 1806 года показаны притоки Голоустной. И вот среди притоков есть река с названием Права (см. рис. 1). Она впадает в Голоустную слева, выше левого притока Б[ольшой] Колесмы, тоже показанной на карте. Ясно, что название Права было образовано еще в XVII веке, когда названия рек формировались у русских по «правилу рук» и по наблюдателю, идущему вверх по течению реки. На современных картах реки с названием Права в бассейне Голоустной нет.

Карта Байкала 1806 года отражает систему названий притоков Голоустной, сложившуюся в XVII–XVIII веках. Некоторые названия дошли до наших дней, и мы вправе считать их образованными еще в XVII веке. К числу таких названий относятся: правые притоки Качергат (в XVII–XVIII вв. Качергатай), Нижний Качергат (Нижний Качергатай), Верхний Качергат (Верхний Качергатай), Нижний Карлук, Средний Карлук, Верхний Карлук, Торица, Очирхой (Очерки), Урунтин (Уруитин), Орколик, Морская Колесма, Кунгин (Кунген), левые притоки Деревенская Колесма (Большая Колесма), Черемшанка.

Многие притоки изменили свои названия. И далеко не всегда мы можем определенно и уверенно связывать старые названия с новыми только по одной причине — гидрографическая сеть карты Байкала 1806 года далеко не всегда совпадает с современной.

На карте Байкала 1806 года верховья Голоустной названы Хапколой (см. рис. 1). На современных картах такого названия нет. Не исключено, что название Хапкола представляет собою дорусское название всей Голоустной. В связи с этим нельзя не обратить внимания на утверждение М.Н. Мельхеева о том, что раньше река Голоустная называлась Идой. При этом исследователь не дает какого-либо документального подтверждения и не раскрывает языковой принадлежности топонима Ида.

Еще один пример. Река Максимиха, приток Байкала (южнее Баргузина), была известна русским еще в XVII веке. Она упоминается в 1675 году Н. Спафарием: «...от того озера до реки Максимихи ходу по два днища, и тут — пристанище» (10). Она показана и названа на «Чертеже земли Иркутского города» С.У. Ремезова (1701), где возле нее есть помета: «Старое Ясанское зимовье, летом промышляют рыбу», указывающая на то, что здесь до русских жили ассаны — кетоязычный народ, ассимилированный бурятами, эвенками, русскими, язык которого относится к числу мертвых. Река и зимовье промышленных [людей] показаны и названы (оба под названием Максимиха) на карте Байкала (1740) геодезиста Моисея Ушакова. В 1772 году И.Г. Георги отметил здесь лишь Максимов мыс. На упоминавшейся анонимной карте Байкала 1806 года показана только река Максимиха.

Существует мнение, со ссылкой на бурятские предания, о том, что на реке некогда поселился известный землепроходец, донской казак Максим Перфильев, женившийся на бурятке. После его смерти жену стали звать Максимихой, откуда и пошло название, закрепившееся за рекой, за губой, в которую впадает река, и за возникшим в устье реки поселком. Если оправдана подобная версия, то следует подчеркнуть, что деятельность землепроходца М. Перфильева в Сибири протекала в период с 1627 по 1639–1640 годы.

На карте, составленной в 1925 году, изданной в 1926 году военными советскими организациями и бывшей в то время в свободном распространении, река Максимиха в верховьях показана в виде двух сливающихся рек — Левая Максимиха (правая составляющая) и Правая Максимиха (левая состав-

ляющая) (рис. 2). Этот факт подкрепляет вышеприведенные исторические сведения о реке и указывает на образование ее названия в XVII веке.

Теперь дадим примеры формирования названий рек в XVII веке в бассейне Селенги — все с теми же особенностями названий сливающихся рек. Эти особенности дошли до нашего времени и закреплены на географических картах второй

Рис. 2. Фрагмент специальной карты Восточно-Азиатской части СССР. 1926 г. Бассейн р. Максимиха

половины XX века. Поскольку данные карты ныне являются общедоступными, мы не будем прибегать к картографическим иллюстрациям.

Русские во второй половине XVII века усиленно заселяли низовья Селенги, осваивая здесь плодородные пахотные земли, сенокосные угодья. Они успешно продвигались и по притокам Селенги. По реке Итанце, правому притоку Селенги, возникали русские деревни, отмеченные в 30-х годах XVIII века Г.Ф. Миллером. У Итанцы есть правый приток Бурля. У Бурли существует правый приток Черемшанка. Так вот правая составляющая Черемшанки и ныне называется Лево́й Черемшанкой, а ее левая составляющая — Право́й Черемшанкой. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что гидронимы бассейнов Бурли и, видимо, Итанцы сформированы еще в XVII веке.

В низовьях Селенги в нее слева впадает река Вилюйка. В верховьях река составляется путем слияния Лево́й Вилюйки (правой составляющей) и Право́й Вилюйки (левой составляющей). Такая же картина по современным картам отмечается у левых притоков Селенги — рек Пьяной (Левая Пьяная — правая составляющая, Правая Пьяная — левая составляющая) и Ловцова (Левая Ловцова — правая составляющая, Правая Ловцова — левая составляющая). Гидронимы Вилюйка, Пьяная, Ловцова сформированы, несомненно, в XVII веке. Не исключено, что гидроним Ловцова связан с фамилией Ловцова Гаврилы (Ганьки) Иванова, енисейского казачьего пятидесятника, селенгинского сына боярского, селенгинского приказчика, посланника к монгольским ханам (1664–1681).

Аналогичные примеры мы нашли в бассейне Хилка, правого притока Селенги. В бассейне Блудной, левого притока Хилка, есть ее левый приток Косурка. Так вот Косурка составляется из двух рек: Левая Косурна — правая составляющая, и Правая Косурна — левая составляющая. Река Буй, левый приток Хилка, образуется слиянием рек Лево́й Буй — правая составляющая, и Право́й Буй — левая составляющая. У реки Катангар, левого притока Хилка, в прошлом тоже, видимо, выделялись Лево́й Катангар и Право́й Катангар. В последующем название Лево́й Катангар было утрачено, а название Право́й Катангар сохранилось за левым верхним притоком Катангара. То есть на Катангаре повторилась такая же ситуация, что и с названиями реки Урунтин (Уруитин) в бассейне Голоустной.

Река Худия, правый приток Ацы (Асы) в бассейне Чикоя,

сохранила верхний правый приток с названием Худия Левая, в то время как название Худия Правая исчезло.

Таким образом, фиксация притоков рек и слияний рек русскими в XVII веке по «правилу рук» двигающегося вверх по реке наблюдателя сохранилась как реликтовая в виде названий, встречающихся спорадически. Тем не менее эти реликты свидетельствуют о начальном периоде формирования русской топонимики края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Академии наук (филиал в Санкт-Петербурге) (далее ААНСП), ф. 21, оп. 5, № 39/67.

2. Карта Байкала. Моря озера. Ангарского пролива// ААНСП, ф. Р IX, оп. 1, № 570.

3. Специальная карта Восточно-Азиатской части СССР с прилегающими к нему государствами. Составлена и вычерчена в Сибирском Военно-Топографическом отделе в 1925 г. Печатано VIII — 1926 г.

4. Галкина В.И. Объяснения некоторых географических названий на Байкале // Атлас Байкала. — Иркутск; М., 1969.

5. Гурулёв С.А. Реки Байкала: происхождение названий. — Иркутск, 1989.

6. История Сибири. — Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. — Л., 1968.

7. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. — Иркутск, 1969.

8. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. — Иркутск, 1995.

9. Русско-китайские отношения в XVIII веке. — М., 1990. — Т. 2: 1725–1727.

10. Спафарий Н.М. Сибирь и Китай. — Кишинёв, 1960.

11. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1.

12. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990.

ГОДОНИМЫ ИРКУТСКА В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

*Раиса Васильевна Попова,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

Как известно, топонимика — отдельная и самостоятельная научная дисциплина, развивающаяся на стыке трех наук: лингвистики, географии и истории. Нас интересует научный аспект топонимики в ее исторической содержательности, который впервые был разработан советским историком С.Б. Веселовским.

Составной частью топонимики является микротопонимика, изучающая историю происхождения названий «более мелких» географических объектов, которые наносятся не на карты, а всего лишь на планы местности, а иногда и вообще нигде не фиксируются, а живут и передаются в устной речи живущих в данной местности людей.

Объектом специального научного изучения микротопонимы стали относительно недавно. В 1964 году в Москве прошло первое совещание по проблемам микротопонимики, на котором было признано ее выделение как особого раздела топонимики. Названия улиц, переулков, площадей, скверов, то есть внутригородских топонимических объектов, также относятся к разделу микротопонимии и выделяются в самостоятельный подраздел, названный урбонимикой.

В настоящее время иркутским лингвистом Л.Г. Рябовой предложена уточняющая классификация урбонимов. Все внутригородские топонимические объекты подразделены на линейные (улицы, проезды, переулки, бульвары, набережные, тракты), ареальные (микрорайоны, поселки, предместья, скверы, парки, площади, кладбища) и точечные (здания, памятники, остановки и т. д.). В свою очередь, линейные топонимические объекты обозначаются новым термином «годонимы» (от греч. «путь»).

В настоящей статье речь пойдет о происхождении годонимов Иркутска, отражающих определенные, иногда совсем забытые, страницы истории города. Годонимы — памятные языковые знаки жизни наших предков. «Улицы — это простратственные ориентиры, а их имена не только знаки, но показатель культуры и „духовной оседлости“ горожан... В них — память и традиция, созерцание и точность, любовь и благодарность» (12, с. 122). Названия улиц и площадей, скверов и кладбищ, так же как и недвижимые объекты культурного наследия (дома и хозпостройки), являются памятниками городской народной культуры.

Прежде всего хотелось бы отметить, что появление названий улиц связано с практической потребностью людей назвать объект, определяя его положение в пространстве города. Этот процесс был следствием укрупнения городских поселений по сравнению с сельскими. В селах и деревнях, состоявших в большей своей массе из одной-двух улиц, жители которых все знали друг друга, не требовалось обозначения улицы названием. Достаточно было назвать фамилию хозяина усадьбы, и все знали, о какой части поселения идет речь. В крупных селах, а затем и в первых городах для удобства ориентации появились топонимы, обозначающие разные «концы» поселения. Дальнейший рост и развитие городов повлекли за собой появление наименований улиц, введение нумерации кварталов и домовладений.

Факт исторической первичности микропонимов «устно-разговорного типа» подчеркивается всеми исследователями. Распространяется это и на годонимы Иркутска. Первоначальный этап становления годонимики города характеризовался естественным, неспешным ее сложением в процессе народного осмысления городского пространства. Названия улиц возникали в разговорной речи людей. Называя улицу, человек выделял характерный ее признак, который был явным для всех. Затем это название закреплялось в сознании людей, в обиходе и переходило в официальную документацию — служебную переписку, делопроизводственные материалы, на городские планы.

Улицы, где находились общественно значимые объекты (церкви, гостиный двор, арсенал, торговые ряды), получали наименования по их имени (Троицкая, Преображенская, Арсенальская, Старая Рыбнорядская).

К числу примечательных объектов, которые давали имена улицам, относились и питейные дома. В Иркутске в начале XIX века существовало 17 таких заведений, отмеченных пла-

ном города 1829 года, и все они имели свои оригинальные названия, в которых проявились мудрость и фантазия, ирония и народное отношение. Приведем несколько примеров: «Косоголиха», «Тычок», «Разгуляй», «Облупа», «Писаной» и др. Три питейных заведения дали названия улицам. «Матрёшка» и «Дворянка» находились в начале этих улиц, и улицы соответственно именовались Матрёшинская и Дворянская. Питейный дом «Аптека», получивший свое название по аптечным огородам, которые находились в этой местности с 1735 года, дал название будущей улице, на месте которой он стоял, — улица под «Аптекой» — Подаптецкая. Это одна из немногих улиц города, которая за всю историю своего существования имела единственное название, сохранившееся до нашего времени.

Топографическое положение также было одним из «имяобразующих» факторов: улица под горой — Подгорная, на берегу — Набережная.

Наименования многих улиц в русских городах связаны с дорогами. Не стал исключением в этом плане и Иркутск: Заморская — Амурская (Ленина), Кругобайкальская (В. Терешковой), Якутская (Рабочего Штаба).

Если отсутствовали вышеперечисленные признаки, то улица просто именовалась по имени домовладельца, с усадьбы которого начиналась. Первое свидетельство этому — план-перспектива Гостиного двора с собором Богоявления 1738 года. В последующей истории наименований улиц города таких примеров множество (Ланинская — улица, идущая от усадьбы мещанки Ланиной, Пирожковский — переулок, начинающийся от усадьбы чиновницы Пирожковой, и т. д.).

Процесс сложения топонимов города зафиксирован в делопроизводственных материалах, в частности в документах городской думы. Приведем характерный пример: проектным материалом 1861 года будущая Казарминская улица (ныне ул. Красного Восстания) названа «улицей к Американским казармам».

Следует также отметить предложенную Л.Г. Рябовой типологию топонимов Иркутска. Исследователь-лингвист делит их на два типа: ориентирующие, которые были распространены на первоначальном этапе, и демонстративно-меморативные, получившие наибольшее распространение в послереволюционное время. При этом делается весьма точное замечание, что «стабильно сохраняемое веками название вне зависимости от его типа становится ориентиром», а значит, и выполняет свою основную роль (9, с. 118–119).

В сложении городской топонимики можно выделить три этапа ее формирования (назовем их условно):

— I этап — народный — от появления первых годонимов до 1870-х годов;

— II этап — народно-административный — от 1870-х до 1920 года;

— III этап — административный — после 1920 года.

За основу периодизации процесса сложения иркутских годонимов взят принцип высвечивания главного творца (носителя) данного этапа.

Основными историческими источниками по годонимике Иркутска служат городские планы. Впервые названия иркутских улиц нанесены на план-перспективу части города 1738 года «Реэстр строению в граде Иркутске Гостиного двора и при нем партикулярных домов...» с изображением собора Богоявления (11, с. 115). План с рисунком был выполнен иеродьяконом и иконописцем Никоном Красовским с практической, как бы мы сейчас сказали, целью отвода участка под строительство архиерейского дома со службами. На плане нанесены названия двух иркутских проулков, находившихся рядом с Гостиным двором, и один из них, переулок Добринского, получил название по двору сына боярского Добринского, находившемуся на углу, то есть по владельцу усадьбы, от которой начинается переулок. Отметим это как прием сложения годонимики города, характеризующий ее первоначальный этап.

Документ 1738 года свидетельствует о том, что в это время в Иркутске — крупном административном городе, все улицы и даже небольшие переулки имели названия.

В 1765 году по указанию губернатора К.Л. Фрауендорфа, заботившегося о благоустройстве города и удобстве горожан, на домах прибили дощечки с названием улиц и нарисованной «рукою, путь указующей» (4, с. 29).

Основные годонимы Иркутска этого времени нанесены на план Иркутска 1768 года — первый городской план, на котором указаны названия «больших», то есть основных улиц. Годонимы нанесены на план архаичным способом — путем индексации улиц на схеме с последующей расшифровкой их в экспликации.

Здесь нужно остановиться на инструктивном предписании относительно нанесения названий улиц на планы города. Этот вопрос был освещен только Городовым положением 1870 года. В инструкции Техническо-строительного комитета от 24 февраля «для руководства при начертании планов на новую обстройку городов» сказано: «Название... площадей, улиц и

проч. означать на плане только тогда, когда сие необходимо для ясности изложенного...» (цит. по: 12, с. 124).

Отсюда следует вывод, что при составлении городских планов XVII–XVIII веков нанесение названий улиц как обязательное не требовалось. Поэтому многочисленные планы Иркутска XVIII и первой половины XIX века не имеют «раздела» о названиях улиц. С середины XIX века, а точнее, начиная с плана города 1849 года, еще до инструктивного предписания на этот счет, на всех последующих планах Иркутска, как правило, были названия улиц, нанесенные для «ясности изложенного» непосредственно на коммуникационную канву плана.

В 1872 году генерал-губернатор Восточной Сибири посчитал, что «некоторые из улиц города, в настоящее время, утратили значение своих первоначальных наименований и делают затруднения в приискании мест жительства.», и дал этим улицам другие названия (5, с. 274). Волевым решением губернатора, отраженное на плане Иркутска 1878 года, было «выполнено» частично. Из 14 переименованных улиц «губернаторские» названия прижились только у трех (Шелашниковская, Большаковская и Поплавская), восьми улицам были «возвращены» прежние названия, и три улицы к 1881 году получили другие имена, закрепившиеся в истории. Таким образом, демонстративно-меморативный тип годонимов, спущенный сверху, не был принят населением, еще сильна была народная традиция, онтологичная в своей основе. (О самом термине «демонстративно-меморативный». Он, конечно, тяжеловесный, но научно точный и необходимый, так сказать, для служебного пользования.)

Губернаторским решением было положено начало второму этапу сложения иркутской годонимики, в котором наряду с годонимами, выросшими в недрах народного осмысления городского пространства, появляются административно принятые названия, не связанные с конкретной улицей. И в дальнейшем решения о наименовании и переименовании улиц стали оформляться постановлениями городской думы.

Октябрьская революция и изменение общественно-политического строя в стране знаменовали собой начало нового, третьего этапа сложения внутригородских микротопонимов, когда власть полностью взяла регулирование этим процессом в свои руки. В Иркутске это произошло в 1920 году, в ознаменование 3-й годовщины Октябрьской революции. Предместья города, большинство центральных улиц, площадей, садов и основных улиц предместий, несущие в своих названиях дыхание прошлой жизни, были переименованы на новый идеологический лад. Этот этап длится по сей день.

В процессе исторического развития города лишь немногие из улиц сохранили свои первоначальные названия (Подгорная, Подаптечная, Ямская). И это естественно. Многие названия иркутских улиц XVIII – первой половины XIX века в устной традиции до нас не дошли или ничего нам не говорят — Щукинская, Тугулуковская, Кокоринская, Барсуковская, Подвальная, Мичуринская и др. Попытаться восстановить первоначальные «имена» улиц, общую картину смены их названий, в которых отразились традиции и самобытность нашего народа, — задача непростая, но, вероятно, хотя бы частично выполнимая.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области, ф. 70, оп. 2, д. 3053, л. 41–42.
2. Российский Государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 21981.
3. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки Академии наук СССР. — М., 1945. — Т.17.
4. Иркутская летопись / Сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003.
5. Иркутская летопись 1857–1880 гг./ Сост. Н.С. Романов. — Иркутск, 1914.
6. Лыхин Ю.П., Крючкова Т.А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век — 1917 год): Биобиблиогр. словарь. — Иркутск, 2000.
7. Микротопонимия: Сб. статей. — М., 1967.
8. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск, 1994.
9. Рябова Л.Г. Имя улицы: прошлое и настоящее (из материала годонимов г. Иркутска) // Время в социальном, культурном и языковом измерении. — Иркутск, 2004.
10. Рябова Л.Г. Правописание наименований внутригородских топонимических объектов // Вопросы ономастики, диалектологии, фольклора и литературы. — Иркутск, 2001.
11. Фатьянов А.Д. К вопросу реставрации Собора Богоявления — памятника архитектуры в Иркутске // Сибирь. — 1974. — № 3 (план опубликован впервые).
12. Щербин В.Т. О плане Иркутска 1865 года, предшествующей планографии и топонимике города // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — Иркутск, 2004. — Вып. 3.

ПОЕЗДКА В ЧУНСКИЙ РАЙОН ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

*Лидия Михайловна Мельникова,
ведущий научный сотрудник
отдела фольклора и этнографии
Областного центра народного
творчества и досуга, г. Иркутск*

В августе 2005 года отделом фольклора и этнографии Иркутского областного центра народного творчества и досуга была организована исследовательская экспедиция в Чунский район. Мною были обследованы поселки Чунский, Новочунский, Бидоги, сёла Бунбуй и Червянка, деревня Новочунка с целью выявления особенностей бытования одежды русских старожилов и поздних переселенцев, в том числе и белорусов, а также различных конструкций игровой лоскутной куклы на территории района. Весь экспедиционный маршрут был совершен вместе с директором Чунского краеведческого музея Сергеем Кирилловичем Плющенко, историком и краеведом.

Чунский район расположен на северо-западе Иркутской области. На западе он граничит с Тайшетским районом, на востоке — с Братским, на севере — с Красноярским краем, на юге — с Нижнеудинским районом. Территория составляет в настоящее время 2 575 681 гектар. Основной водной артерией является река Уда (Чуна).

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 года, опубликованным в статистическом сборнике облкомстата, на территории Чунского района постоянное население насчитывает 41 829 человек, из них сельского населения 13 370 человек. Здесь проживают эвенки, буряты, русские, белорусы, украинцы, татары и т. д. Коренным населением являются эвенки (тунгусы) и буряты.

Заселяться территория района стала еще в начале XVIII века, так появились деревни Червянка, Выдрино, Бунбуй, Старо-Балтурино, Миронова, Городище, а уже в середине XVIII века — Неванка, Ганькино, Тахтамай. В книге С.К. Плю-

щенкова «Откуда есть, пошла она, земля таежная Чуна» читаем: «...постсоветские времена стали серьезной проверкой на выживание сёл: с карты района исчезла Челюгда (белорусы), в Неванке осталось всего 5 дворов, на грани развала Захаровка. Всего за минувшие 100 лет не стало таких деревень, как Надуй, Сережкино, Деревушка, Мироновка, Пряничный, Раздольное, пос. Юбилейный, Верхняя Ендарма, Бармакон, Елань, Питаево» (5, с. 263).

Первым пунктом экспедиционного маршрута стало старожильческое село Червянка, образованное еще в начале XVIII века и удаленное от районного центра поселка городского типа Чунский на 320 километров. Зимой до Червянки можно добраться «зимником» по Чунскому району, а летом — поездом до Братска (Падунские Пороги) и на автомашине через Братский, Усть-Илимский и Чунский районы. По пути следования встречались реки, речки и ручьи, имеющие и русские, и эвенкийские названия: Крутой, Вихоревка, Кова, Тада, Конская Голова, Бумбейка, Камиша, Джероник, Шикликан, Халанда, Джжжива, Тазея, Мура.

Село Червянка стоит на реке Муре, поэтому местные жители называют себя «мурашами», также бытует и традиционное самоназвание, характерное для всех русских старожилов, — чалдоны. И хотя они точно не знают, откуда пришли их прапрадеды, но говорят: «Мы — „человеки с Дона“, так нам говорили наши родители...» Имеет место и другая трактовка самоназвания «чалдоны». Так, у В.И. Даля «чалдон» отмечается как монгольское заимствование, бытовавшее в Иркутской губернии и обозначавшее «бродяга, беглый варнак». В Червянке чаще всего встречаются фамилии: Рукосуевы, Брюхановы, Кошкарёвы, Колпаковы, Поповы, Бурмакины, Рожковы, Коноваловы.

Дома, построенные еще в XVIII веке, стоят до сих пор. Складывали их, как и на Русском Севере, из огромных брёвен, крыши делали с крючьями-курицами и охлупнями в виде стилизованной головы коня, но старинные наличники встречаются уже редко. В селе есть двухэтажный амбар, который стоит во дворе дома с красивыми резными наличниками, принадлежавшего до революции зажиточному крестьянину. Есть дома круглые, пятистенки, шестистенки, а также двухэтажные, перестроенные из бревен старинных домов.

В процессе экспедиционной работы записаны устные рассказы: о выращивании льна и конопли и производстве тканей в домашних условиях, о домашнем производстве обуви и одежды, о технологии вязания одной иглой рукавиц-ко-

Старинный дом в с. Червянка. Фото Л. Мельниковой, 2005 г.

кольд, о различных технологиях изготовления традиционной лоскутной куклы, бытовавшей на территории села Червянка и деревни Бузыканоно Красноярского края, о комплексах одежды, в том числе и промысловой, о белении холстов на реке Муре, о вечёрках, о свадьбах, о строительстве и разорении церкви, которая по сей день является клубом. Выявлены и зафиксированы на фотопленку и в полевой дневник предметы материальной культуры, которые находятся в краеведческом музее общеобразовательной школы села (директор Валентина Алексеевна Шарыпова), в коллекциях этнографов и в собственности информантов. Это образцы одежды русских старожилов: два образца женских блузок из розового и темно-фиолетового сатина, хорошей сохранности; образец традиционной для начала XX века сатиновой юбки бордового цвета с двумя «уборками»; различные «котетки» — платки кашемировые с набивными цветами и одноцветные из жаккардового шелка с шелковыми кистями; платье из темного штапеля с цветочным рисунком довоенного периода; «плюшевка» из плюша коричневого цвета; разные виды фартуков-передников; сетки-«личинки»; различные по материалу (шкуры собаки, овцы и др.) шапки-ушанки; унты, бродни, чирки, валенки местного производства, ичиги; носки-крипотки из волос конской гривы и носки из домотканой

шерсти; рукавицы); станок для ткачества «личинок»; самопрялки, прялки, в том числе и расписные. Это также швейные машинки четырех различных фирм-изготовителей производства Германии и России: «Зингер», «Кайзер», Gritzner (Durlach), и «поповская», привезенные в сёла в конце XIX – начале XX века; различные виды иглолок для вязания одной иглой (костяные, медные, железные); различные приспособления для обработки выращенных льна и конопли — мялки, чесалки, челноки и т.д.

Информантами Анной Николаевной Брюхановой и Хеонией Егоровной Рукосуевой были изготовлены две различные по конструкции игровые лоскутные шитьевые куклы, бытовавшие на территории села Червянка и деревни Бузыканово Красноярского края, что в 40 километрах от Червянки.

Марией Софроновной Рукосуевой была показана технология вязания одной иглой рукавиц-кокольд. Кокольды, или «рукавицы связанные на одну иголку», — это толстые рукавицы из домотканой шерстяной пряжи с разрезом на запястье с внутренней стороны. Разрез на рукавицах помогает легко освобождать руку, при этом не снимая их. Вязали кокольды для зимней работы в лесу («сено возить, на охоту ходить»). Хотя этноним «кокольды», по сведениям информантов, заимствован у аборигенов, но технология вязания одной иглой применялась и на территории Русского Севера. В настоящее время она практически забыта. Даже пожилые женщины, проживающие в Чунском районе,

**Анна Николаевна Брюханова,
с. Червянка. Фото Л. Мельниковой,
2005 г.**

вспоминают, что когда-то они вязали кокольды, но показать уже не могут. Об утрате технологии вязания одной иглой также пишет в своей книге Марина Копылова: «В шулкинском школьном музее хранится странная, более 10 см в длину и 2 см в диаметре деревянная иглолка с одним ушком. И еще одна, чуть поменьше, костяная. А рядом — белые шерстяные носки, именуемые здесь „панское“: без пятки, с острым, как клюв, носком. „Панская“ вязка иглолкой напоминает „горки“ или „елочки“, а странность ее в том, что в деревнях в округе Шулки к концу 80-х годов не оказалось ни одного человека, кто бы знал, как это вязалось. Не могли вспомнить даже те, кто сам вязал сравнительно недавно — лет 30 назад...» (3, с. 6).

Урок, который дала Мария Софроновна, очень важен для нас. Вяжутся кокольды «на 6, 7, 8, и 9 нитей», и чем меньше нитей, тем рукавицы тоньше. Игла делалась из кости, находящейся на голени крупнокопытного животного (сохатого или коровы). Кость отделяли после варки, шлифовали, просверливали отверстие, отступив от острого конца иглы 2/3. Кроме костяной иглы использовали иглы, сделанные из «гвоздя на 150, который расплющивали, предварительно отпилив головку, шлифовали, и также просверливали отверстие». Образ-

**Хеония Егоровна Рукосуева шьет лоскутную куклу.
Фото Л. Мельниковой, 2005 г.**

цы иголок для вязания кокольд я увидела в школьном музее села Червянка.

Следующей по маршруту была исчезающая деревня Новочунка, состоящая сплошь из старых деревянных домов. В настоящее время здесь проживают в основном пенсионеры (примерно 20 человек). На краю деревни стоит дом, в котором живут потомки русских старожилов: мать и дочь — Анна Ивановна Брюханова 1910 года рождения (д. Деревушка Чунского района) и Александра Афанасьевна Шило 1934 года рождения. Анна Ивановна оказалась великолепной рассказчицей, сохранила ясность ума и очень многое

**Мария Софроновна Рукосуева
в традиционном фартуке.
Фото Л. Мельниковой, 2005 г.**

из «старины» помнит. Родилась она в чалдонской деревне Деревушка с богатыми домами, но «...теперь этой деревни нет, и дома все сожгли». Были записаны устные рассказы о деревенской жизни, о свадьбе, об одежде, о различных способах пошива чирков — «по-мякотному» и «по-заплатному»; о способах завязывания платков: «под подбородком», «побабником», «...один платок „побабником“, а другой — шаль...» и др.; об украшении девичьей косы кустом ярких разноцветных лент или длинными полосками ткани; о технологии изготовления игровой лоскутной шитьевой куклы, бытовавшей в деревне Деревушка и др.

Бунбуй — село старожильческое, расположено на расстоянии 95 километров от поселка Чунский. С.К. Плющенко пишет: «...впервые упоминается в документальных источниках

за 1859 год. Тогда в ней было 17 дворов, проживало 56 мужчин и 60 женщин. Спустя каких-нибудь полвека Бунбуй отнесен к разряду сел, и в 1907 году в нем числилось 107 мужчин и 107 женщин, имелись одноклассная школа и церковь Святого Николая Чудотворца. Бунбуйский приход был открыт в 1898 году. В его состав входили деревни Казизицево-мысская, Ганькина, Тахтамайская, Балтурина, Чунская (Новочунка), Хонякина, Челюгды, Неванка, в которых накануне Октябрьской революции (1917 г.) проживали 2042 человека, в основном, коренные сибиряки, но были выходцы из Минской (Челюгды), Тамбовской и Орловской губерний» (5, с. 283).

Современное село Бунбуй состоит из нескольких «микрорайонов»: Гора, Поселок, Шанхай-Ручеек и Деревня. В селе развита инфраструктура, есть средняя школа, библиотека-музей, детский сад, фельдшерский пункт, Бунбуйский сельский досуговый центр.

Одним из самых ценных информантов стал Ефим Григорьевич Брюханов 1918 года рождения, уроженец села Бунбуй — потомок русских старожилов. От него были записаны устные рассказы о жизни села и его семьи; о комплексах одежды, в том числе и промысловой; об одежде соседних белорусов; о разных видах лаптей; об изготовлении рыбьего клея из чешуи и шкуры осетра, кост-ного клея из коровьей ноги и казеинового — из творога

Девушка в традиционной «парочке» конца XIX в. из школьного музея с. Червянка.

Фото Л. Мельниковой, 2005 г.

в домашних условиях; о конструкции игровой лоскутной куклы, бытовавшей на территории села.

В селе проживают и поздние переселенцы, называющие себя лапотонами, которые переселились из Смоленской области, и их потомки. От информантов-лапотонов были записаны устные рассказы о переселении в Сибирь, о жизни на новом месте, об одежде; о различных конструкциях игровой лоскутной куклы; о контактах местных жителей с военнопленными японцами, которые работали на территории района в послевоенное время.

Экспедиционный маршрут проходил и через поселок Бидоги. Как пишет

С.К. Плющенко, «в конце 40-х (XX в. — Л.М.) СНК и ЦК ВКП(б) приняли решение о строительстве на берегу Чуны крупного лесодеревообрабатывающего комбината. Новостройка оказала значительное воздействие на близлежащие селения, в частности, на Бидоги: на начальном этапе здесь селились первые строители ЛДК: ехать-то было совсем недалеко! И эта узкая „специализация“ — быть приложением к чему-то — помогла бидогцам выжить в самые сложные времена. Путешественнику... Бидоги вряд ли чем-то запомнятся. Но мы-то, чунари, отметим для себя, что усадьбы здесь все еще добротны и ухожены, что земля-матушка по-прежнему кормит досыта энтузиастов-хлеборобов, сделавших ставку на подсобное хозяйство, на мужицкую смекалку и инициативу» (5, с. 278).

Одной из самых интересных была встреча с Анной Яков-

**Расписная прялка из с. Червянка.
Фото Л. Мельниковой, 2005 г.**

левой Голубничей (девичья фамилия — Чурикова) 1930 года рождения, уроженкой деревни Кабаново Усть-Калманского района Алтайского края, потомком русских старожилов. В поселке Бидоги она проживает с 1960 года. От нее были записаны устные рассказы об «алтайском» детстве, о том, как играли «чалдонские» свадьбы на Алтае, какими были конструкции игровых кукол. Анализ экспедиционных записей позволил определить различие и сходство старожильской одежды, кукольных конструкций и проведения свадебных обрядов. Анна Яковлевна вспомнила частушку, которую пели дети, когда играли «кукольные свадьбы»:

*Запрягу я кошку в дрожки,
А котенка в тарантас,
Повезу свою милашку
Я до свадьбы напоказ.*

В настоящее время районным центром является поселок городского типа Чунский, который возник при прокладке железной дороги от Тайшета на Лену как база для временного проживания строителей. Но как все «временное», постепенно стал «постоянным», и в 1955 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 732 поселок отнесен к категории рабочих поселков с присвоением названия районный поселок Чунский. По итогам Всероссийской переписи (2002) население поселка составляет 16 630 человек. Градообразующим предприятием является Чунский лесозаготовительный комбинат.

В районном центре на территории Дома культуры «Победа» расположен историко-краеведческий музей (директор Сергей Кириллович Плющенко). В музее проводится большая краеведческая работа: экскурсии, встречи с ветеранами и старожилами, работа «Землячества», готовятся публикации в местные печатные издания «Чунский край» и «Чунский вестник». В фондах находятся на хранении несколько интересных артефактов, относящихся к разделу: «одежда русских старожилов и поздних переселенцев», такие как рубаха и передник белорусов, проживавших на территории исчезнувшей деревни Челюгда (даритель — Олеся Васильевна Мига 1926 г. р.); традиционная для сибиряков кожаная обувь: чирки, ичиги, бродни и лекала-намёты для производства обуви; лапти; сетки-«личинки» — накомарники; различные по материалу шапки, в том числе и охотничьи; одежда и обувь довоенного и послевоенного периода.

Историю Чунарии также давно изучает краевед Вера

Сергеевна Снеткова, работающая в музее средней школы № 90.

В поселке Чунский произошла встреча с Тамарой Григорьевной Шуриновой 1935 года рождения (д. Березово Чунского района), женщиной удивительной судьбы и характера. Ею написана книга «Чем богат человек», которая является интересным информационным материалом для исследователя. От нее также были записаны устные рассказы о жизни деревни Березово; о комплексах одежды, которую носили мужчины, женщины и дети, а также об одежде промысловиков; о различных конструкциях игровых лоскутных кукол.

Экспедиция позволила сделать вывод, что выявленные образцы традиционной одежды остались в единичных экземплярах и являются ценнейшими артефактами, по устному описанию информантов можно составить представление об одежде, бытовавшей на территории района у русских старожилов и поздних переселенцев из областей России и Белоруссии, а также выявить семь разновидностей конструкций игровой лоскутной шитьевой куклы и особенно интересные — куклы села Червянка и деревни Бузыканово.

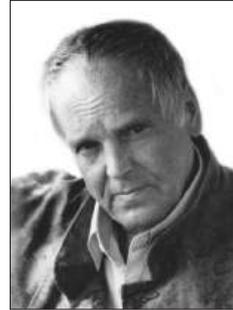
ЛИТЕРАТУРА

1. Бояркин В.М. География Иркутской области. — Иркутск, 1995.
2. Возрастно-половой состав и состояние в браке по Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.): Статистический сборник. — Иркутск, 2004.
3. Копылова М.Л. В поисках костяной иглы. — Йошкар-Ола, 2001.
4. Кунгуров Г. Артамошка Лузин. — Иркутск, 1954.
5. Плющенко С.К. Откуда есть, пошла она, земля таежная Чуна. — Иркутск, 2003.
6. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. — Л., 1967.
7. Снеткова В.С. Земля Чунская. — Чуна, 1999.
8. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). — Серия Этнография Сибири. — Новосибирск, 1997.
9. Шуринова Т. Чем богат человек. — Б. г.; б. м.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПАМЯТНИКАМ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ИРКУТСКА В «ТАЛЬЦАХ»?

*Валерий Трофимович Щербин,
архитектор-искусствовед,
г. Иркутск*

Содержание предлагаемой статьи нуждается в нескольких пояснительных словах. Известно, что идея создания музеев свозимого типа (скансенов) зародилась в Норвегии и впервые осуществилась в Швеции. Всё — в XIX веке, как определенное осознание уже тогда негативных последствий урбанизации и разрушения сельской общины. Дальнейший рост количества музеев под открытым небом (сейчас, по некоторым данным, их около 4 тыс.) служит доказательством их популярности и научной востребованности.

Последующее развитие научно-практической мысли рождает урбоскансены — музеефицированные образования городской застройки и быта. Скандинавы и здесь первопроходцы. Неужели они столь благодунны, что позволяют разрушить историческую среду города в угоду теоретической новомодности и реконструктивным преобразованиям? Неужели во всегда развитом юридическом пространстве просвещенного Запада не нашлось места для защитной ниши? Неужели реализация подобных проектов осуществляется у них, в отличие от нас, с завидной легкостью, беспрепятственно и без финансовых проблем? Тема многомерная, нуждается в специальном рассмотрении, выходящем за пределы данной статьи, которое может быть результативным при наличии в нем сравнительной онтологии (сущности) национально-государственных основ и культурной самобытности.

Имея задачей ответить на вопрос «быть или не быть городской зоне в „Тальцах“, мы остановимся только на тех аспектах и обстоятельствах, которые озвучили его в культурном пространстве Иркутска как *pro et contra* (за и против). И для

большей конкретности воспользуемся формой изложения в виде вопросов и ответов.

— Насколько нова для Иркутска сама идея перемещения памятников с целью их новой организации в заранее отведенном месте?

— Здесь необходимы и исторический экскурс, и относительно недавний опыт. Перемещение объектов как принцип хозяйственного решения возникающих проблем и в Иркутске, и в других городах применялось издавна. Уже в XIX веке в Иркутске дома, которые еще могли служить, переносились, освобождая место для часовни Христа Спасителя, для Ремесленного заведения Трапезникова, наконец, многочисленные переносы были осуществлены при строительстве Транссиба в Глазковском предместье. Вероятно, это происходило и раньше, когда места, занятые жильем, освобождались под деревянные церкви. В советское время, в 1938 году, училище «Детский сад» — постройка «теремного стиля» — «переехало» с улицы Ленина на задворки закрытой к тому времени Харлампиевской церкви, то есть сохранилось не как памятник, а в силу той же хозяйственной рачительности. Подобные дома как перенесенные можно встретить и сейчас на улицах Лыткина, Баррикад, Амундсена и даже на лыжной базе ИСХИ. Переноса каменных построек или их незначительной передвижки, как в Москве, Иркутск не знал, что объясняется не столько слабой технической оснащенностью, сколько изначально весьма различной строительной технологией из камня и дерева.

В 1970-е годы проектируется и начинает строиться историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». И по замыслу, и по осуществлению это уже скансен, а точнее, урбоскансен смешанного типа, так как наряду с реставрацией памятников на родном месте около пятидесяти объектов предполагалось снять с родных гнезд. В начале 1980-х годов разрабатываются Историко-архитектурный опорный план и Проект зон охраны памятников истории и культуры. Эти документы предлагали оставить ряд фрагментов и городских улиц, сохранивших деревянную застройку XIX – начала XX века. Казалось бы, что ранее разработанный проект комплекса декабристов несколько изменится, а средовый подход станет основным принципом регенерации-реконструкции исторического центра Иркутска...

— Изменился общественный строй, на арену вышли другие приоритеты. Памятники обветшали, а поддерживающий ремонт, не реставрация, почти прекратился. Памятники чаще стали гореть, не исключаем и поджоги. На академическую

**Фрагмент видовой экспозиции «Тальцов»,
Фото В. Щербина, 1989 г.**

реставрацию средств нет и охотников мало, капитальный ремонт без искажения и утрат зачастую невозможен. Многие из исторических объектов превысили допустимую для жилья степень износа. И при этом общий список стоящих на гоcохране и выявленных объектов-памятников за последние годы значительно вырос. Не является ли все это

причиной, подтолкнувшей к идее строительства городской зоны в «Тальцах»?

— Причинно-следственная связь, конечно, имеет место. Нуждается в пояснении и само преддверие к вопросу. Ясно, что за действиями объективного и субъективного характера стоят два основных фактора. Первый — реестр, охраняемый правовым порядком, непомерно раздут. Позиция: «чем больше охраняем, тем больше останется» — себя не оправдала. И, может быть, даже усугубила ситуацию — памятники, заслуживающие сохранения, то есть опорные при разработке градостроительной проектной документации и бюджетных программ, сравнялись с рядовыми объектами исторической среды, обреченными безропотно уступить место современной архитектуре, без которой Иркутск и в былые, самые далекие времена не жил и не развивался.

Второй фактор — развитие самого музея «Тальцы». Развитие не только этнографической музейной экспозиции, но и фонда недвижимых объектов, повышающих фасадную и архитектурно-пространственную содержательность музейного комплекса.

— Не стремятся ли «Тальцы» решить свои проблемы за счет памятников Иркутска?

— Укажем еще на одну важную особенность предполагаемой зоны. Ее полное название — городская коммерческая экспозиционная зона. Коммерческая деятельность в музее не может быть преобладающей. Иначе просветительные, воспитательные и научные задачи размоются игровым интересом. Есть опасность и других побочных эффектов. Перенос исторических объектов на территорию музея предполагается выполнять за счет предпринимателей на основе конкурсной продажи освобождаемой земли и нового строительства. При этом правовое сопровождение и организация конкурсов остаются прерогативой местного самоуправления. За музеем остается прикладной профессиональный надзор.

Конкретизируя ответ, продолжим тему, которая рассматривалась выше. Настало время определить оптимальный количественный и качественный состав памятников деревянного зодчества Иркутска.

— Задача трудная и психологически, и профессионально. Существуют ли методики выполнения ее?

— Конкретных методик нет, нет даже опыта выполнения подобных работ. Придется пересмотреть, критически оценить инструктивные и методические материалы, по которым разрабатывались опорные планы первых поколений, когда и памятники были в лучшем состоянии, и казалось, что возможности для сохранения значительных массивов исторической застройки и правомерны, и практически реальны.

Исполнителям придется как бы резать по живому — становится очевидным, что не все памятники, которые предлагались к постановке на охрану, то есть наиболее ценные из так называемых выявленных, и даже некоторые из стоящих на государственной охране могут не пройти через фильтр жесткого отбора. А отбор должен быть трезвым и профессионально ответственным. Уверен, исходя из собственного опыта проектирования зон охраны памятников истории и культуры Иркутска и Улан-Удэ, что достойных объектов вполне хватит и для города, и для «Тальцов».

— Если задуманное осуществится, пострадает ли сама историчность Иркутска?

— Иркутск был и останется городом историческим. Первожитель Иркутска, попади он в XVIII век, удивился бы многому. Иркутск начала XX века в сравнении с началом или даже серединой XIX столетия претерпел значительные изменения. О нашем динамичном времени говорить излишне, но и в нем

чуткое сердце без особых на то усилий увидит и ощутит неразрывную до конца связь времен. Осознаем, что затронутый аспект нуждается в развитии, когда соотношением видимого и невидимого нащупывается первопричина естественной эволюции и последствий узкопрофессиональных и групповых амбиций, которые с того момента, как они о себе заявляют, вынуждены рядиться в благородную одежду.

— «Тальцы» — музей архитектурно-этнографического профиля. Его объектно-архитектурная и собственно этнографическая экспозиции находятся в развитии, конца которым не видно и никогда не будет. Такова методологическая основа деятельности любого музея, частного и государственного, малого и большого. Не разумней ли будет сосредоточить усилия в этом направлении, а не расплыться на городскую зону?

— Имея в виду гибнущие памятники в городе (процесс объективно-субъективный, а значит, неостановимый до разумной черты без приложения серьезных усилий), можно ограничиться словами: статус-кво (сложившееся положение) обязывает. Но это будет неполным ответом, это только одна сторона медали. Другая обязывает к следующему. Иркутяне хорошо знают Музей истории города. Он живет и плодотворно развивается как музей зального принципа, когда экспозиция онтологично никак не связана ни с интерьером, ни с экстерьером самого здания. Музей истории города Иркутска давно вынашивает идею своего филиала — музея архитектуры города, который разместился бы в историческом здании, к примеру, в деревянном особняке иркутского городского архитектора А.И. Кузнецова на Троицкой улице, ныне — 5-й Армии. «Тальцы» не собираются дублировать эту тему, хотя она в принципе неисчерпаема и разноакцентна. Одно из зданий будущей городской зоны можно «отдать» для сменных выставок художников, работающих в стиле русского реализма и в жанре городского пейзажа. Для разнообразия вполне приемлемо, но главное все-таки не это...

— Вероятно, главное — отразить, предоставить возможность ознакомиться, воочию увидеть быт горожанина в максимально достоверной полноте и в многообразии семейной культуры и культуры сословных отношений?

— Именно так. Согласитесь, что это правомерно хотя бы потому, что больше соответствует музею этнографического профиля.

— Продолжим предыдущий вопрос. Этнография как наука изучает духовные и материальные особенности быта, нравов,

культуры какого-либо народа. Эту задачу по-своему содержательно исполняют музеи под открытым небом. Экспозиционная структура «Тальцов» уже сейчас, как видится, вполне адекватно отражает «народное представление» в соответствии с ранее проведенным историко-культурным зонированием Иркутской области. Какие новые или дополнительные задачи возьмет на себя в этом плане городская зона?

— Действительно, в «Тальцах» уже нашли место национальные зоны коренных народов, разделявших свою судьбу с русским народом в условиях исторического освоения Сибири: бурятская, эвенкийская и тофаларская. Переселенческая историко-культурная зона в перспективе, как намечено, представит традиционную культуру и быт белорусов, украинцев, татар, голендров, поляков — народов, переселившихся в Прибайкалье в конце XIX века, но в основном в начале XX по столыпинской реформе. Другие зоны: ангаро-илимская (почти осуществлена), верхоленская, трактовая и витимская — призваны отразить русскую аграрную и промысловую направленность и отчасти промышленную, а также аспект административного управления на местах.

В сущности — и это надо подчеркнуть — представленные или намеченные к представлению культуры являются культурами изначально народными, культурами сельского оседлого или кочевого быта и строительного обустройства, в которых заведомо заложены национальные черты и особенности.

— Значит ли это, что народная культура не угасает в городской среде, а живет и развивается как бы по-новому?

— Разумеется, городская культура также не лишена преемственности и самобытности. Поэтому основным культу-

Иркутск в 1865 году. Фото А.К. Гофмана. Фрагмент

рологическим содержанием городской зоны станет русская архитектурно-строительная и бытовая культура в условиях именно города. Дерево — живое, теплое, оно ответней и нравственнее чувству, и родовой памяти, и небезучастно к новым потребностям.

Городская среда наиболее динамична. Ее дома в сравнении с сельскими наиболее многообразны в объемном решении, в планировке, но там и здесь всегда органичны в своем декоративном убранстве. Без них и сопутствующих хозяйственных построек наш музей будет неполным.

— И все это, наряду с сельскими постройками соседних первородных зон музея, станет под одним небом, под одной крышей. Осуществление такой идеи становится настолько увлекательной и ответственной задачей, что без высоких слов, пожалуй, не обойтись?..

— Городская зона нужна не столько в интересах прикладной науки и престижности самого музея, но более в интересах отражения полноты народной культуры, ее познавательной сравнительной наглядности. При переносе и реставрации памятников совсем не просто сохранить высокое исполнительное ремесло, без чего любви к Отечеству становится меньше.

— В какой атмосфере приходится работать коллективу музея «Тальцы»?

— Пока в дискуссионной и в целом доброжелательной. Но и не только. Нельзя объяснить одним прохладным отношением к намеченной зоне инструктивно высказанное требование о незамедлительной разработке Генерального плана развития музея, а следовательно — и самой городской зоны. Можно понять нынешний ЦСН и Комитет по наследию, к сожалению, поддержавший это требование, но проясняющих возражений не избежать. Программа «Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея „Тальцы“» не может и не должна иметь ту часть содержания, которая требуется для непосредственной разработки Генплана. Да и сам Генплан — это не только чертеж. И для того, чтобы последний наполнился конкретным, неформальным содержанием, нужна долгосрочная кропотливая работа... и не только архитектурного профиля. По самым скромным прикидкам разработка Генплана лишь городской экспозиционной зоны потребует затрат, соотносимых с переносом и реставрацией не менее десяти, а то и более, крупных объектов. В принципе, время на разработку может быть сокращено — властной волей и адекватным финансированием, да времена не те. И

выходит: либо смириться и ничего не делать, пусть памятники городского зодчества гибнут, либо идти путем эскизного проектирования, как живут сейчас многие российские музеи под открытым небом.

— Есть ли еще трудности и какие препятствия предвидятся?

— Они еще скажутся. Работа над зоной только обогначилась, но уже ощутимы импульсы непонимания, прорастающие, к примеру, на правозащитном поле. Научные аспекты изучения и управления наследием и здравый смысл инициативы, связанные с решением практических вопросов, сталкиваются с юридической казуистикой. Конкретику здесь опускаем.

В народе говорят: есть дело, будут и препоны. И хороших дел без трудностей не бывает. Они преодолеваются трудом, трудом праведным... И добрым вспоможением. Так было, так и будет.

И в заключение о вопросительной интонации в заглавии статьи. Городской зоне в «Тальцах» — быть. А какой — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский Е.Ю. Проектирование историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. — М., 1978.

2. Зойнер К. Коммерциализация заповедников и музеев // Материалы Международной научно-практической конференции «Музей под открытым небом в современных условиях». — Архангельск, 1995.

3. Ивановская Н.И. Музеи Норвегии и России: опыт и перспективы взаимодействия // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб., 2002.

4. Сотникова С.И. Музеология. — М., 2004.

5. Тихонов В.В., Нефедьева А.К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»: (Программа). — Иркутск, 2006.

6. Хомутильников И.В. Иркутск на пути обновления // Градостроитель. — 2006. — № 1/35.

7. Шахеров В.П. Иркутск — исторический город. Был и будет? // Градостроитель. — 2006. — № 1/35.

РОЛЬ И МЕСТО БОНИСТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ФУНКЦИЙ

*Владимир Михайлович Лапенков,
ведущий специалист Восточно-Сибирского
управления Федеральной службы
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия, г. Иркутск*

В Российской Федерации в настоящее время идет переосмысление роли культурного наследия страны в социально-экономической жизни, в преодолении мировоззренческого и интеллектуального кризиса в обществе, возникшего и развившегося в конце XX века. Напрямую это затрагивает и музеи, особенно исторического и краеведческого профиля.

Статья 3 Федерального закона Российской Федерации «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ) понятие «музей» трактует как «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций», считая последние «культурной ценностью, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление» (6, с. 161). Однако, на наш взгляд, более приемлемым и оптимальным для деятельности музейной сети является понятие, сформулированное авторами Российской музейной энциклопедии: «Музей — исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, — музейных предметов» (3, с. 395).

Сравнивая вышеприведенные формулировки понятия «музей», можно сделать вывод, что последняя, несмотря на некоторую неуклюжесть конструкции, наиболее точно выражает

понятие музея как организации культуры и музейного предмета, к которому необходимо относить и природные объекты. Определение музея в качестве института социальной памяти, а не только некоммерческого учреждения, позволяет идти путем создания музеев нового типа, взаимодействовать с общественными и частными объединениями и, в конечном счете, разнообразить и усилить коммуникацию современного музея.

Необходимо отметить, что коммуникативная и трансляционная функции музея призваны обеспечить еще и ряд социальных функций историко-культурного наследия, сохранить которое должны музеи. Из всего обширного комплекса последних остановимся только на тех, о которых будет идти речь в этой статье:

- функция интеграции, обеспечивающая связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох;

- функция идентификации, вызывающая осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым;

- познавательная функция, дающая возможность моделирования исторических процессов;

- политическая функция, позволяющая использовать наследие для доказательства объективных политических положений в истории;

- воспитательная функция, вызывающая уважение к прошлому.

Одним из главнейших элементов историко-культурного наследия являются бумажные денежные знаки, вышедшие из употребления. Они не только служат показателем экономического развития государства, но и передают характер конкретной эпохи, отражают историю денежного обращения, свидетельствуют о культуре народа, его обычаях, несут информацию об эмитентах и через них — об особенностях политической жизни. Среди комплекса специальных исторических дисциплин существует бонистика, объектом комплексного изучения которой являются все бумажные денежные знаки прошлых эпох. Ведь денежный знак — это политико-экономический документ, содержащий свои, свойственные только ему характерные признаки и ценную информацию, при расшифровке которых можно получить множество ценных сведений об историко-культурном наследии, заключенном в этом знаке. Умелое использование таких сведений позволяет более эффективно использовать социальные функции наследия, перечисленные выше.

Один рубль. 1898 г.

Двести пятьдесят рублей. 1917 г.

К сожалению, многолетний опыт общения с музейными специалистами, знакомства с экспозициями и выставками, на которых представлены бумажные денежные знаки, приводит к неутешительному выводу: предметы бонистики используются в музейной практике неэффективно, а зачастую и с грубейшими нарушениями, искажающими историю страны. Приведу несколько примеров.

Нередко в музейных экспозициях и на выставках присутствуют денежные знаки 1898–1912 годов выпуска, этикетки поясняют, что это деньги дореволюционной России. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что подписи не соответствуют истине: знаки выпущены или в период Временного правительства или, в большинстве, после Октябрьской революции 1917 года. В ситуации, которую можно выразить словами «не верь глазам своим», важно умение музейных специалистов правильно идентифицировать знаки и объяснить посетителям причину несоответствия годов выпуска на купюрах и действительного периода их обращения. В царской России до Первой мировой войны в обращении находились бумажные деньги номиналом 1 рубль (1898 г. выпуска), 3 рубля (1905 г.), 5, 10 и 25 рублей (все 1909 г.), 100 рублей (1910 г.) и 500 рублей (1912 г.), крайне редко встречались знаки выпуска 1895–1898 годов достоинством от 3 до 500 рублей. В период Первой мировой войны 1 рубль образца 1898 года и 5 рублей образца 1909 года печатались с другой нумерацией. Наличие на всех деньгах подписей управляющих Государственным банком Э. Плеске, С. Тимашева и А. Коншина однозначно свидетельствует о соответствии даты выпуска и периода обращения. А вот боны с подписью И. Шипова требуют дополнительной проверки даты. Известно, что Временное правительство за восемь месяцев пребывания у власти (март–октябрь 1917 г.) выпустило бумажных денег больше, чем царское правительство за 32 месяца мировой войны, а советское правительство в мае 1919 года вообще ликвидировало эмиссионный лимит Народного банка РСФСР, разрешив выпускать бумажные деньги в пределах действительной в них потребности. При этом большая часть купюр имела вид и все атрибуты царских эмиссий, поскольку для изготовления знаков нового образца требовались время и дополнительные средства. Достаточно сказать, что 500-рублевых знаков с портретом Петра I образца 1912 года с подписью И. Шипова царское правительство выпустило шесть серий, Временное — 17, а советское — 74 серии.

Зачастую происходит путаница и в определении истинно-

Один рубль. 1918 г.

Пятьсот рублей. 1919 г.

го периода выпуска 250- и 1000-рублевых денежных знаков, которые успело отпечатать Временное правительство. Знаки достоинством 250 рублей уникальны тем, что на них впервые в истории изображена свастика, ставшая позже в Европе символом нацизма. В период правления «хозяев» знака отпечатано всего шесть серий, а в советский период — 369!

Различать выпуски бумажных денежных знаков образцов дореволюционного и Временного правительства на эмиссии различных органов власти (императорского — Временного — советского) можно только одним путем — сличением серий, то есть буквенно-цифровых обозначений, имеющих на каждой купюре. Для этого необходимо иметь специальные таблицы.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность отечественных бумажных денежных знаков, практически не используемую в музейной трансляции. С 1769 года — года поступления в обращение первых российских бумажных денег, на них имелись подписи лиц, ответственных за денежные эмиссии. Эта традиция сохранилась вплоть до 1934 года, когда в обращение наряду с подписанными купюрами достоинством в 1, 3 и 5 рублей этого года выпуска поступили точно такие, но без подписи народного комиссара финансов СССР Г. Гринько. Все последующие — с 1937 года — выпуски бумажных денег в стране подписей не имели. Почему это произошло, почему прервалась почти двухсотлетняя традиция? Ни историки, ни политики ответы на эти вопросы не дают. Может быть, дело в том, что усиливался культ личности Сталина, а может быть, уже шла подготовка к будущим процессам над «врагами народа»? Ведь большинство государственных деятелей, чьи подписи были на бумажных денежных знаках, были вскоре уничтожены. Среди них Г. Пятаков (подписи на эмиссиях 1918–1919 гг.), Н. Крестинский (эмиссии 1919, 1921, 1922 гг.), Г. Сокольников (эмиссии 1923–1925 гг.), Н. Брюханов (1928 г.), Г. Гринько (1934 г.), многие члены правления Государственного банка СССР, подписывавшие первые советские червонцы.

Даже эти небольшие примеры свидетельствуют о богатых потенциальных возможностях предметов бонистики в реализации музейных функций. Однако эти возможности не используются в полной мере. Причин, на наш взгляд, несколько. Главная — недостаточная квалификация музейных специалистов. В музейных библиотеках практически нет серьезной литературы по отечественной бонистике, а та, что имеется, страдает существенными изъянами. Так, в добротном труде Д.А. Сенкевича «Государственные денежные знаки РСФСР и СССР» отсутствует

Пятьдесят копеек. 1924 г.

Пять рублей. 1934 г.

информация о руководящем составе банковских учреждений, подписывавших бумажные деньги, хотя есть расшифровка подписей всех кассиров. Этот недостаток устранен в труде А.И. Малышева, В.И. Таранкова, И.Н. Смиренного, но и в нем невозможно найти полезную информацию о выпусках бумажных денег в период революций 1917 года. В каталоге П.Ф. Рябченко, наиболее полном справочном пособии по отечественным бонам, о различиях в этих выпусках вообще дана неверная информация. Как это ни парадоксально, на сегодняшний день единственным источником полных сведений о выпусках денежных знаков царского образца, включая упомянутые таблицы, о подписях на советских деньгах 1918–1934 годов является книга польского исследователя Марианна Ковальского, выпущенная в Польше в 1983 году тиражом пять тысяч экземпляров. Но ее нет ни в одной библиотеке нашей области.

Выход видится в использовании в деятельности музеев методологии «понимающего музееведения», о которой говорилось ранее в журнале «Тальцы» (2005. — № 3 /26/), в привлечении к реализации музейных функций широкого круга специалистов и особенно такой категории хранителей историко-культурных ценностей, как коллекционеры. В силу ряда объективных причин многие из собирателей обладают достаточно высокой квалификацией в избранной области коллекционирования и могут стать настоящими помощниками в музейной трансляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапенков В.М. Использование возможностей коллекционеров в музейной коммуникации и трансляции // Тальцы. — 2005. — № 3 (26). — С. 102–108.
2. Малышев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. — М., 1991.
3. Российская музейная энциклопедия: 2 т. — М., 2001. — Т. 1.
4. Рябченко П. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994 гг.). — Киев, 1995.
5. Сенкевич Д.А. Государственные денежные знаки РСФСР и СССР. — М., 1989.
6. Сборник действующих нормативных правовых актов по проблемам сохранения культурных ценностей. — М., 2000.
7. Kowalski M. Znaki pieniezne ZSRR 1917 — 1982. — Miedzyrzec Podlaski, 1983 (польск.).

АРТЕЛЬ «ТАЛЬЦИНСКАЯ КЕРАМИКА»

*Елена Анатольевна
Таволжанская*

*Игорь Владиславович
Таволжанский*

*художники-керамисты, мастера артели
«Тальцинская керамика», г. Иркутск*

В связи с активно развивающейся в нашем регионе сферой туризма и вхождением музея в ее структуру необходимо обеспечить на его территории возможность проведения досуга посетителей. Турист, приехавший в музей, всегда рассчитывает не только получить от этого посещения положительное впечатление, узнать что-то новое для себя, но и приобрести оригинальный сувенир, присущий только этому месту. Ассортимент сувенирной продукции, представленный на территории музея, по нашему мнению, должен соответствовать его имиджу. Все, что противоречит концепции музея, его культурно-просветительской деятельности и имеет только коммерческую основу, необходимо отделять от имиджевых изделий работающих на территории музея ремесленников, которым нужно отводить приоритетное место в экспозиции. Наличие соответствующей месту сувенирной продукции повышает престиж музея.

Гончарная мастерская «Тальцинская керамика», расположенная на территории музея, как нельзя лучше выполняет эту функцию. Посетитель, приобретая глиняные изделия из первых рук, знает, что изготавливаются эти работы только

здесь, и, не посетив музея, он не сможет приобрести их где-либо еще.

На всей территории Прибайкалья никто больше не создает изделий с колоритной местной тематикой в столь широком ассортименте и на достаточно высоком художественном уровне, как в керамической мастерской Тальцинского музея, что подтверждается активным участием мастеров артели «Тальцинская керамика» в художественных выставках городского, областного и регионального значения и выставках народного творчества. При этом мастера артели обеспечивают большое разнообразие керамических изделий, предоставляемых посетителям музея. Артель не практикует перепродажи чужих изделий и своими силами организует весь сложный технологический процесс изготовления керамики.

В настоящее время в гончарной мастерской музея «Тальцы» постоянно работают две семейные пары художников-керамистов — Марина Черметовна и Андрей Николаевич Голендеевы и Елена Анатольевна и Игорь Владиславович Таволжанские. Семьи Голендеевых и Таволжанских явились тем творческим и партнерским содружеством, на основе которого сформировалась и действует много лет артель «Тальцинская керамика» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». За это время сложилось отношение мастеров к проблеме народных промыслов и видение своего места в данном виде

***Игрушка-свистулька «Лошадки». Мастера Голендеевы.
Фото А. Голендеева, 2006 г.***

***Тунгуска с рыбой.
Мастера Таволжанские.
Фото И. Таволжанского,
2006 г.***

***Ангара с шаман-камнем
в руке. Мастера Таволжан-
ские. Фото И. Таволжан-
ского, 2006 г.***

деятельности. Они зарабатывают на жизнь исключительно глиняной игрушкой, которую изготавливают на глазах посетителей музея. Мастера Голендеевы и Таволжанские разработали единый стиль Тальцинской игрушки, сохранив при этом индивидуальность работ каждой семьи.

Андрей Голендеев изготавливает свои игрушки методом традиционной ручной лепки, Марина покрывает их после обжига яркой росписью.

В основе изделий Таволжанских лежат формы, сделанные Игорем на гончарном круге, которые затем Елена видоизменяет и дорабатывает, создавая различные образы и декорируя их тисненым орнаментом, либо расписывает после обжига.

Две семьи, составляющие ныне коллектив гончарной мастерской, удивительно совпали по взглядам, интересам, мировоззрению и культуре. Если бы не энтузиазм Голендеевых и Таволжанских, в настоящий момент гончарная мастерская могла бы и не существовать.

Чтобы гости музея и гончарной мастерской лучше поняли суть гончарного промысла, необходим краткий, но интересный и содержательный рассказ о направлении творчества, главных образах глиняных персонажей, истории изделия в свете народных традиций, его прообразе. В гончарной мастерской мастер, продавец и рассказчик являются одним лицом. Работа с посетителями обязывает не только уметь делать глиняную игрушку, но и быть немного артистом, находить всегда в хорошем настроении, чтобы каждый посетитель почувствовал себя желанным гостем гончарной мастерской, уметь красиво, интересно рассказать об исто-

рии возникновения игрушки, гончарного ремесла, предания и легенды, связанные с керамикой, сообщить об исторических фактах. Не удивительно, что у посетителей возникает ощущение сказки, навеянное общей атмосферой музея, далеким прошлым и возможностью прикоснуться к ожившему старинному ремеслу. При этом мастера органично выглядят в народных костюмах, охотно фотографируются с посетителями на память, демонстрируют на глазах у публики изготовление изделий на гончарном круге, расписывают обожженные работы, организуя, таким образом, яркое и запоминающееся «шоу» для посетителей гончарной мастерской.

Работа гончара за гончарным кругом — едва ли не самое любопытное для посетителя музея зрелище. Около работающего мастера собираются десятки людей, замороженно следя за рождением новой работы. В это же время хозяйка мастерской рассказывает об истории керамики и керамической русской игрушки, о традициях и способах лепки, демонстрирует разнообразие звуки тальцинских свистулек. Работа, требующая большой самоотдачи и душевных сил, — далеко не каждый художник может работать при постоянном присутствии и внимании отдыхающей публики. Поддержкой становятся сами же гости мастерской музея, их благодарность за все увиденное и услышанное. Самыми заинтересованными посетителями

***Коза и семеро козлят. Мастера Таволжанские.
Фото И. Таволжанского, 2006 г.***

мастерской являются наши соотечественники, сказывается традиционная любовь россиян к глиняной игрушке. Основной своей задачей мастера считают напоминание о народной истории и культуре, традиционных народных ремеслах, рассказ об игрушке-свистульке как части русского народного творчества. Ремесленник, изготавливающий изделия только для заработка, всегда проиграет тому, кто занимается своим творчеством с душой. Покупатель точно определяет энергетику работ. Мастера Елена и Игорь Таволажские уже давно заметили: если во время лепки игрушки что-то или кто-то подпортит настроение — она либо потрескается во время обжига, либо будет стоять на прилавке очень и очень долго, пока сам мастер с досадой не уберет ее куда-нибудь в сторону. И напротив — разговариваешь с игрушкой во время лепки, иногда и шутейное четверостишие про нее сочинишь, улыбаешься — и она очень скоро запросится к какому-нибудь заезжему гостю в руки. Тот взял — глядишь, и отпускать не хочет. Так вот и передается людям частичка души мастера, его тепло.

Расход энергии при таком напряженном многочасовом общении очень велик, поэтому совершенно естественно желание мастеров по окончании рабочего дня музея спокойно решать свои рабочие, творческие и бытовые проблемы. По завершении работы музея рабочий день художников-керамистов продолжается иногда до глубокой ночи. Все необходимое для обеспечения нормального функционирования мастерской

***Игрушка-свистулька «Мужички». Мастера Голендеевы.
Фото А. Голендеева, 2006 г.***

***Семейство домовых. Мастера Таволжанские.
Фото И. Таволжанского, 2006 г.***

готовится по вечерам. Заготовка глины — дробление, замес, процеживание, сушка, проминка глиняной массы — занимает большую часть вечернего времени. Делать это нужно в нерабочее музейное время, чтобы посетителям досталась лишь самая зрелищная часть — демонстрация лепки и работа на гончарном круге. Мастернице, все дневное время занятой общением с посетителями, рассказом об истории игрушки, реализацией изделий, заниматься изготовлением работ в достаточных количествах невозможно. Поэтому в вечернее время она занята изготовлением игрушек из заготовок, выкрученных на гончарном круге днем.

Сколько игрушек сделано за эти годы, наверное, не счесть. Ангара, Байкал, байкальские ветра — сарма, култук, баргузин, тунгусы, байкальская нерпа, медведи, домовики, персонажи русских сказок — вот наиболее характерные образы тальцинских мастеров. Техника декора изделий у мастеров гончарной мастерской разнообразна: дымление, глазури, роспись акриловыми красками. Дымление, которому мастера отдают предпочтение, придает терракотовым изделиям некоторую суровость и монументальность. Выполненные в этой технике работы очень широко представлены в мастерской. По мнению художников, работы в технике дымления наиболее полно демонстрируют природное, тектоническое начало керамики,

связь с окружающим ландшафтом, в котором отсутствует буйство красок; связь с красотой сибирской природы, магию которой нужно уметь разглядеть сквозь кажущуюся суровость и неприступность. Использование цветных глазурей достаточно скупой и лаконично, только чтобы подчеркнуть естественность фактуры. Игрушки, изготовленные по темам русских сказок, расписанные акриловыми красками, напротив, выглядят ярко и празднично. В своих образах мастера опираются на исторически сложившиеся традиции в русской народной керамике, привнося авторское видение, активно используя в творчестве колорит местных байкальских легенд и сказок. Работы гончаров из музея «Тальцы» развозятся по всему миру. Часто приобретением игрушки знакомство с тальцинскими мастерами не заканчивается — многие посетители становятся их хорошими друзьями, завязывается переписка, обмен идеями. Самым важным в своей работе художники считают то, что она приносит им радость. Наверное, без этого чувства нельзя работать над игрушкой; ведь при выборе глиняного изделия на память человек подсознательно ищет то, что будет и много лет спустя напоминать ему о Сибири, Байкале, «Тальцах», напоминать о положительных эмоциях, связанных с посещением музея.

Современные музеи под открытым небом являются своеобразными заповедниками, где можно создать условия для сохранения и развития традиционных ремесел, как это сложилось в гончарной мастерской на территории Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Нужно организовывать выставки, посвященные творчеству тальцинских ремесленников. Мастерам нужно обзаводиться учениками и сподвижниками, которые столь же органично впишутся в музейную среду. Говоря об учениках, мастера прежде всего, конечно, имеют в виду своих детей, тем более что они, с детства воспитываясь в творческой атмосфере создания новых образов, участвуя в работе мастерской, как никто другой понимают и сложности, и радости гончарного творчества.

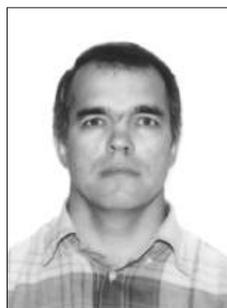
Нужно учитывать, что возникновение подобной мастерской по изготовлению глиняных изделий с прибайкальской тематикой было возможно только на территории музея, так как подобная тема вряд ли родилась бы в городских условиях. В этом случае мы имеем пример органического сочетания колорита музея под открытым небом с уникальными деревянными архитектурными ансамблями и действующей творческой мастерской, в которой мастера являются частью экспозиции музея, оживляя и одухотворяя ее. Недаром мастера часто слышат восклицание посетителей: «Вот настоящие русские умельцы!»

ЖЕСТЯНАЯ УПАКОВКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

*Марина Леонидовна
Никифорова, заведующая
русским отделом*

*Александр Васильевич
Сакович, старший научный
сотрудник*

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», г. Иркутск

Любая эпоха определяется вещами и в них же отражается. Ненужные и, казалось бы, совершенно бесполезные вещи могут стать бесценным источником информации о прошлом. Одна из главных задач музейных работников — открыть и интерпретировать вещи для посетителей.

В Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» собрана уникальная коллекция жестяных банок, бытовавших в России конца XIX – начала XX века, как в крестьянских домах, так и в домах горожан. Эти интересные предметы, красочно и наглядно характеризующие свою историческую эпоху, наконец стали доступны широкому кругу людей — сотрудниками музея «Тальцы» организована передвижная выставка «Дореволюционная жестяная банка», предназначенная для показа в музеях Иркутской области. Экспонируемые предметы дали возможность рассказать о людях, создавших их, и о том обществе, в котором они могли реализоваться именно таким образом. Первыми выставку увидели жители города Шелехова, ей предстоит побывать в Ангарске, Саянске, Тулуне и других городах и районных центрах области.

Оформлению упаковки в России почти до конца XIX века

уделялось мало внимания. И только бурное развитие легкой и пищевой промышленности, а также возникшая конкуренция российских товаров с европейскими заставили отечественных предпринимателей обратить серьезное внимание на внешний вид упаковочной продукции. Уже тогда покупатель с большим доверием относился к товарам, упакованным в добротные и изящно оформленные коробки, банки и футляры. Таким образом, в России жестяная упаковка, использовавшаяся для оформления различных товаров — кондитерских изделий, чая, парфюмерной продукции и т. п., появилась в 80-х годах XIX века.

В Москве и Петербурге существовал ряд предприятий, специализировавшихся на производстве упаковки из жести, среди них наиболее известны: «Акционерное общество В.В. Бонакер», «Печатня А. Жако и К°», фабричное жестяное издательство торгового дома «Жестянка», хромолитография по жести фабричного торгового товарищества «Н.С. Растеряев», «Фабрика металлических коробок Генерального общества французской ваксы в Москве», «Фабрика металлических коробок и хромолитографии по жести Блигкен и Робинсон

Выставка «Дореволюционная жестяная банка» в музее истории города Шелехова. 2006 г. Фото Т. Крючковой

Фердинанд Теодор фон Эйнем.
Фото конца XIX в.

в Санкт-Петербурге» и др. На заказ они изготавливали упаковку для производителей кондитерских изделий, парфюмерии и другой продукции.

Первоначально жестяные упаковочные коробки украшались наклеенными хромофотографированными этикетками (хромофотография — способ печати, при котором рисунок наносится на плоскую поверхность специального камня жирными веществами, а пробельные участки увлажняют и делают таким образом невосприимчивыми к краске). Позднее рисунок и рекламную атрибуцию стали наносить тем же способом, но уже непосредственно на жесть (металлохромия).

Дизайн дореволюционной этикетки был предельно лаконичен и не менялся в течение 10–15 лет. Шрифты и виньетки подчинялись строгим законам симметрии, навеянным классицизмом. Выбор цвета этикетки зависел от моды.

Новая эра в российском промышленном дизайне наступила после активного обращения к этому жанру художников, входивших в объединение «Мир искусства». К. Сомов, М. Добужинский, Н. Ремезов, Л. Бакст, И. Билибин — все они были зачинателями стиля «модерн». Многие из них разрабатывали для известных торговых домов, фирм различные образцы этикеточной рекламной продукции. Особенно ярко модернистское направление прослеживается на примере упаковок, изготовленных по заказу фирм «Товарищество А.И. Абрикосова и сыновей» и «Товарищество Эйнем». Форма, цветовое решение для упаковки чайных печений — белое, красное, черное — создавали яркий образ в сознании потребителя, а пастельные, голубые тона в сочетании с плавностью линий декора и легким, воздушным шрифтом наполняли окружающий мир романтическим ощущением праздника.

**Кондитер Алексей Иванович
Абрикосов (внук Степана Абрикосова) с женой. Фото конца XIX в.**

ки, фотографии, рисунки домашних животных, географические карты разных стран.

Не отставал и Жорж Борман, выпускавший монпансье, на этикетках которого были помещены портреты русских писателей: Гоголя, Достоевского, Толстого — с цитатами из их произведений

На фабрике Эйнема также особое внимание уделялось оформлению сладкого продукта. Рекламу фирме несли театральные программки, наборы-сюрпризы с вложенными в коробку конфет открытками. Для фабрики писал музыку свой композитор, и покупатель вместе с карамелью или шоколадом бесплатно получал ноты «Шоколадного вальса», «Вальса Монпансье» или «Кекс-галоп». Кроме этого эксклюзивные конфеты всегда продавались вместе со специальными аксессуарами — в коробки вкладывались фирменные салфетки и специальные щипчики для конфет.

На выставке, подготовленной сотрудниками музея «Таль-

Внешний вид упаковки и размещенная на ней информация часто подталкивали покупателя к выбору конкретного товара или фирмы. Поэтому, учитывая психологию потребителя, на упаковке изображали торговую марку предприятия, медали, полученные на всероссийских и международных выставках, сообщали о том, что фирма является поставщиком императорского двора, и т. д.

Новаторством в рекламном деле отличались известные кондитерские фабрики. То, что мы сейчас называем «киндер-сюрпризом», существовало еще в конце XIX века — на фабрике Абрикосова в коробки вкладывали игрушки для детей, картинки-мозаи-

цы», представлены образцы упаковочной продукции перечисленных компаний. Кроме них продемонстрированы упаковки других известных фирм того времени — «Георг Ландрин», «Торговый дом Леновых», «Торговый дом А. Сіу и К^о» и др., которые после революции были национализированы, но, несмотря на это, не прекратили своего существования и по сей день продолжают выпускать продукцию, сохраняя лучшие традиции прошлого.

Так, кондитерская фабрика «Товарищества Эйнем» в 1922 году была переименована в «Красный Октябрь». Еще несколько лет после этого в скобках всегда добавлялось «Бывш. Эйнем» — настолько велика была популярность торговой марки и ценилось качество изделий.

Известная ныне кондитерская фабрика — АО «Бабаевское» — это преемник «Товарищества А.И. Абрикосова и сыновей в Москве». Фабрика была основана крепостным Степаном Николаевым, за непревзойденное искусство творить сладости из абрикосов получившим прозвище — Абрикосов (в 1814 г. его потомки уже официально носили фамилию Абрикосов-

Коробка для чайных печений «Товарищества паровой фабрики Эйнем в Москве». Рубеж XIX–XX веков. Жесть, хромолитография. Фото М. Никифоровой, 2006 г.

вых). Сладости «Товарищества А.И. Абрикосова и сыновей» пользовались в России конца XIX – начала XX века огромным спросом. Призы на промышленных выставках; почетная надпись — «Поставщик Двора Его Императорского Величества», появившаяся с 1890-го на упаковке изделий товарищества, — это признание официальное.

Современная фабрика ОАО «РОТФРОНТ» была основана в 1826 году купцами Леновыми, а история фабрики «Большевик» началась в 1855 году, когда французский предприниматель Адольф Сиу открыл магазин-кондитерскую на Тверской улице в Москве. К концу 90-х годов XIX столетия торговый дом А. Сиу и К° производил самый разнообразный ассортимент кондитерских, парфюмерных и писчебумажных изделий, а также имел сеть магазинов в Москве, Петербурге, Киеве и Варшаве. В 1913 году в честь 300-летия Дома Романовых фабрика впервые выпустила печенье «Юбилейное», которое и сегодня остается наиболее популярной маркой печенья в России.

В начале XX века в самом центре торговой Москвы находился кондитерский магазин «Георг Ландрин». Владелец его — новгородский мужик Федор, получивший фамилию от названия речки Ландры, на которой стояла его деревня, вначале торговал леденцами вразнос, а со временем открыл фабрику.

**Коробка к 300-летию Дома Романовых.
Товарищество кондитерской фабрики Реномэ в Москве.
Рубеж XIX–XX веков. Жесть, хромолитография.
Фото М. Никифоровой, 2006 г.**

Коробка с крышкой «Товарищества А.И. Абрикосова и сыновей», Москва. Рубеж XIX–XX веков. Жесть, хромолитография. Фото Т. Крючковой, 2006 г.

В книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» упоминается история Ландрина, который к своей иностранно-новгородской фамилии Ландрин присоединил чисто иностранное имя Георг, видимо, под влиянием имени героя повсеместно известного в России романа, бывшего любимым чтением грамотеев из народа. Разноцветные леденцы без обертки еще после революции долгое время называли «ландрин».

На выставке можно увидеть интересные жестяные банки мало известных теперь кондитерских фабрик, среди них: фабрики братьев Максимовых, А.С. Кудрявцева, И.Л. Динга в Москве. Кроме того, в разных городах России и в том числе Сибири были популярны свои кондитерские фабрики, такие как А.А. Савинова в Самаре (известная и поныне своей карамелью), И.Е. Тихонова, А.И. Белуева, А.И. Селезнева в Томской губернии, Ивана и Анастасии Кочетовых в Нижнем Новгороде. Упаковки этих фабрик не менее интересны по своему оформлению, ведь даже в самых отдаленных городах страны фабриканты старались преподнести свой товар на высшем уровне, заказывая специальную жестяную упаковку в столице, благодаря этому оформление их продукции ни в чем не уступало московскому.

Особый интерес у посетителей выставки вызвала жестяная упаковка, изготовленная по специальному заказу для фабрики

Коробка первой в Иркутске кондитерской и пряничной фабрики П.И. Гусева. Рубеж XIX–XX веков. Жесть, хромолитография. Фото М. Никифоровой, 2006 г.

Павла Ивановича Гусева, которая в советское время была известна всем иркутянам как «Иркутская кондитерская фабрика». Сотрудникам музея удалось разыскать фотографии самого купца П.И. Гусева, тех, кто работал на его предприятии, а также изображение на старинной почтовой открытке его магазина, располагавшегося по улице Большая Блиновская (ныне Партизанская).

После революции запасы этикеточной и упаковочной продукции повсеместно уничтожались, поскольку на ней были имена и товарные знаки царского времени. Традиции русского оформительства стали вытесняться новым «революционным» дизайном, который по художественному уровню был ближе к агитплакату, нежели к образцам настоящего декоративно-прикладного искусства. Но это уже, как говорится, другая история.

Благодаря труду и таланту первых российских промышленников, их беспрестанным творческим поискам, а также тем потребителям, которые сохранили для потомков образцы красивых упаковок, мы можем расширить наши представления о прошлом.

Эти предметы старины еще многое могут рассказать будущим исследователям о периоде российской истории, когда «сладкая жизнь» на рубеже XIX–XX веков обещала благополучие и процветание, казалось бы, на долгие-долгие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. — Иркутск, 1986.
2. www.konfetki.ru
3. www.fantir.com

ПОЩРИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК «ПОЧЕТНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ МУЗЕЯ „ТАЛЬЦЫ“»

*Владимир Викторович Тихонов,
кандидат культурологии, директор
Архитектурно-этнографического музея
«Тальцы», г. Иркутск*

В уже далекие от нас 60-е годы XX века в целях спасения уникального деревянно-го зодчества Приангарья, в особенности той его части, которая попадала в зону затопления создаваемого водохранилища Усть-Илимской ГЭС, — Спасской проезжей башни 1667 года и привратной Казанской церкви 1679 года Илимского острога, — Иркутским облисполкомом было принято решение (№ 554 от 20 августа 1966 г.) о создании под Иркутском музея деревянного зодчества. В 1968 году под создающийся музей была выбрана площадка в Тальцинском урочище в 47 километрах от Иркутска, с правой стороны тракта Иркутск — Лиственничное, на берегу Иркутского водохранилища, на месте когда-то существовавших огородов Тальцинской слободы, десятилетием раньше также попавшей в зону затопления Иркутского водохранилища.

18 июля 2005 года Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» открыл первую экспозицию — «Деревню-малодворку» и принял своих первых посетителей.

К 1986 году в результате интенсивной научно-исследовательской деятельности первоначальная концепция формирования музейных экспозиций претерпевает значительные изменения. Меняется и название музея — теперь он называется не музей деревянного зодчества «Тальцы», а Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», что более полно характеризует его содержание.

За почти 40-летнюю историю становления, развития и работы музейного комплекса в области сохранения традиционной культуры народов Предбайкалья сотрудниками музея, а также людьми и организациями, которые вместе с коллективом музея принимали участие в создании как экспо-

Поощрительный знак «Почетный деятель музея „Тальцы“»

туры Предбайкалья. Музейный комплекс из филиала областного краеведческого музея преобразовался в самостоятельное учреждение областного подчинения. С 1999 года музей «Тальцы» стал методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом. С 1999 года музей работает круглосуточно, принимая в год более 140 тысяч посетителей.

В канун 25-летнего юбилея музея коллектив и ученый совет Государственного учреждения культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» обратились к администрации музея с просьбой рассмотреть предложение об учреждении администрацией музея внутримузейного поощрительного знака для тех, кто создавал музей, помогал его развитию как своими делами, так и финансами.

Поощрительный знак был учрежден приказом по музею № 14/ОД от 18 июля 2005 года. В Положении о знаке говорится, что поощрительный знак «Почетный деятель музея „Тальцы“» учреждается для награждения лиц, внесших значительный вклад в развитие ГУК АЭМ «Тальцы».

Знаком награждаются лица (сотрудники музея, меценаты, административные работники и др.), внесшие зна-

зиционной, так и хозяйственной инфраструктуры музея, сделано много. Однако впереди еще непечатый край работы. Сегодня только завершается формирование ангаро-илимской экспозиционной зоны. Начаты работы на трактовой экспозиционной зоне. В составе бурятской этнической зоны построен улуслетник и ведется строительство маломорского рыболовецкого стана. Частично вывезены в музей уникальные памятники архитектуры для формирования бурятского православного миссионерского стана, а также верхоленской и городской историко-культурных зон.

На сегодня в составе музейного комплекса собрано в постоянной и временной сборке 37 памятников истории и архитек-

чительный вклад в развитие ГУК АЭМ «Тальцы» (вывоз памятников и их восстановление на территории музея, строительство экспозиций, оказание меценатской и административной помощи и пр.).

Награждение знаком «Почетный деятель музея „Тальцы“» производится директором музея в торжественной обстановке и приурочивается к знаменательным датам.

Представление к награждению знаком подается трудовым коллективом и попечительским советом музея. К награждению может быть представлено не более трех человек в год.

Знак имеет нумерацию, к нему прилагается удостоверение.

Поощрительный знак выполнен из серебра. На знаке изображена экспозиционная доминанта музея — Спасская проезжая башня Илимского острога — в окаймлении гирлянд дубовых листьев. В нижней части знака на имитации ленты — надпись: «Почетный деятель музея „Тальцы“».

В 2005–2006 годах было вручено три знака «Почетный деятель музея „Тальцы“».

Знак № 1 вручен **Владимиру Вячеславовичу Свинову** — директору Иркутского областного музея краеведения (1953–1971), с непосредственным участием которого принимались решения о создании музея, выбиралась площадка под музейные экспозиции.

Знаком № 2 награждена **Полина Иннокентьевна Тугарина**, с 1977 по 1982 год работавшая заведующей филиалом Иркутского государственного объединенного музея — музеем деревянного зодчества «Тальцы». Именно ее стараниями строились первые экспозиции, музей пополнился экспонатами. При ней состоялось открытие музея.

Знак № 3 вручен **Константину Семеновичу Шаврину** — главному инженеру ДРСУ-1, основному организатору реставрационных работ первой очереди музея — «Деревни-малодворки», награжденному за открытие первой очереди музея «Тальцы» Почетной грамотой Иркутского облисполкома.

20 мая 2006 г. Пермский край, Россия. Музеи Пермского края приняли участие в международной акции «Ночь музеев». Акция, организованная по инициативе Министерства культуры и коммуникации Франции, поддерживается европейским планом в партнерстве с «Интернациональным днем музеев» ICOM. «Ночь музеев» — несколько часов в году, когда открываются двери музеев всего мира во внеурочное время, «оживают» экспонаты и можно увидеть то, что обычно скрыто от посторонних глаз...

Пермский областной краеведческий музей и его филиалы являются партнерами акции с прошлого года. В 2006 году в ней впервые участвовали и музеи области: Ильинский районный краеведческий музей; Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Нытвенский муниципальный историко-краеведческий музей и др. Музеи были открыты для бесплатного посещения с 19 до 24 часов. Посетителей музеев в это время ожидали выставки, экспозиции и мероприятия, подготовленные к этой ночи:

- жанровое попурри «В стране литературных героев, или Чудеса в решете» на базе Музея книжной культуры и литературной жизни Верхнекамья — Березниковский историко-художественный музей имени И.Ф. Коновалова;

- «Музейный калейдоскоп»: мини-выставка редко экспонируемых предметов, сюжеты легенд и мифов Чердынского края в театрализованном представлении, викторина для посетителей, лотерея — Чердынский краеведческий музей имени А.С. Пушкина;

- знакомство с выставкой «Перезвон талантов» — работы чувовских живописцев, графиков и дизайнеров, «Лабиринт загадок» — музейная игра, фотографирование в рыцарских доспехах, торжественное посвящение в дарители, члены общества «Друг музея» — Чувовской городской краеведческий музей;

- «Гимн воде» — викторина, конкурсы, игры, дегустация

воды на базе отдела природы, «Эхо сердца» — вечер поэзии на базе выставки, посвященной родному языку, «Бенефис одного экспоната» — демонстрация серебряного блюда VII в. н. э. — Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей имени П.И. Субботина-Пермяка;

– выдача «водного паспорта» каждому посетителю, фотграфирование в экспозиции музея, «Минералогический аукцион» — викторина для посетителей, знакомство с новыми выставками «Петроглифы Пектымеля», нумизматической частной коллекцией — Горнозаводский краеведческий музей имени М.П. Старостина.

Программу международной акции «Ночь музеев: вместе с Парижем» Пермского областного краеведческого музея составили мероприятия, которые бесплатно посетило 1 274 человека. Среди них:

«Новая жизнь старинных вещей» — показательная работа реставраторов музея.

Выступления музыкальных коллективов (марийский народный ансамбль, коллектив «Зоренька», ансамбль народной песни «Светье») с программой «Народные песни войны», а также солиста, дипломанта международных конкурсов Е. Мальцевой (аккордеон) с программой «Чарующие звуки классики».

«Фотография на память» — возможность примерить элементы костюма из фондов музея и сфотографироваться в историческом интерьере.

«Война. Начало XX века» — демонстрация военно-исторического клуба (руководитель Д.А. Лобанов).

«Звучащая коллекция музея» — беседа-демонстрация лекции музыкальных аппаратов.

«Живые картинки» — показ городского костюма из фондов музея и частной коллекции Д.Ю. Устькачкинцева.

«История Тюрина, художника и жертвы» — демонстрация кинофильма «Новый курс» на выставке «Искусство радости» (живопись Р. Тюрина).

1–6 февраля 2006 г. Москва, Россия. Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Основными задачами конгресса явились усиление взаимодействия и координации фольклористических научно-исследовательских, научно-методических, образовательных и культурно-просветительных структур; разработка и обсуждение программы научных исследований в области фольклора; совершенствование информационной деятельности по пропаганде фольклорного наследия народов России. На пленарных заседаниях секций и круглых столах обсуждались вопросы поэтики фольклора и современных его форм; граней фольклоризма в искусстве и культуре; фольклора в системе народных верований и религии; проблемы архивации и систематизации фольклора; фольклористики в системе общеобразовательного процесса, в деятельности учреждений культуры, в средствах массовой коммуникации и массовой культуры; проблемы компьютерных технологий в изучении и издании фольклора и др.

18–20 апреля 2006 г. Москва, Россия. Научно-практический семинар «Музейные библиотеки в современном обществе: библиотека в контексте истории и развития музея». На заседании «Музейные книжные коллекции: история, особенности и влияние на современную жизнь библиотеки и музея» обсуждались доклады о редких библиотечных фондах различных музеев страны, а также о редких книгах в музейных коллекциях и частных собраниях и др. На заседании «Библиотека как ресурс развития музея: концепция и прецеденты» были рассмотрены вопросы информационных ресурсов музейных библиотек, правового обеспечения функционирования библиотечных структурных подразделений, а также точек соприкосновения музея и высшей школы. Зарубежный опыт развития библиотечного дела в музеях был представлен опытом функционирования музейных библиотек Дании и Скандинавии, Италии, США.

Яшина Л.В. Развитие музейного дела в Иркутской области в 1945–1985 гг.: Краткий исторический очерк. — Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Иркут. гос. пед. ун-т», 2005. — 88 с.

В книге рассматриваются особенности процесса развития музеев Иркутской области в период послевоенного сорокалетия. Автор освещает историю формирования музейной сети региона, укрепление материально-технического и кадрового обеспечения музеев в послевоенный период, развитие творческого потенциала музеев и повышение их общественного статуса, создание музейного фонда Иркутской области.

Полунина Н.М. Коллекционеры России XVII – начала XX вв.: Энциклопедический словарь. — М.: РИПОЛ классик, 2005. — 560 с.: ил.

Книга посвящена истории коллекционирования в России в период с середины XVII века по 1917 год. Краткие биографии российских коллекционеров представляют историю жизни и подвижнической деятельности людей, усилиями которых сохранялись культурные ценности не только России, но и всего мира, чья собирательская деятельность проходила в условиях дореволюционной России, а также тех, чья коллекционерская деятельность пришлось на годы эмиграции и явилась продолжением традиции частного собирательства, характерной для старой России. Сообщается основная информация о составе и судьбе коллекций.

Русский крест. Символика православного надглавного креста. — М.: Р89 АСТ: Астрель, 2006. — 300 с.: ил.

В книге представлена в географической и хронологической полноте уникальная коллекция фотохудожника Энвера Шейдаева, посвященная православному надглавному кресту. Альбом снабжен текстовым комментарием Марины Анашкевич. Являясь одновременно наглядным пособием, фотоальбом дает возможность обратиться к лучшим русским образцам — шедеврам кузнечного дела, что будет подспорьем современному храмовому зодчеству.

ДВОРНИК**ЗАПИСКИ ЗАХОЛУСТНОГО ПИСАТЕЛЯ**

Анатолий Байборodin

Всплыло павой из таежного заречного хребта красно солнышко, румянощекое после короткого, но отрадного летнего сна, умиленно оглядело чешуйчатую рябь на стрежне Ангары и сумрачную, густо-зеленую темь под высоким становым берегом, скошенный луг на яру с гладко очесанным зародом сена, музейную деревню-малодворку с вековечными седыми избами, могучими амбарами, «черными» банями, ладными завознями, сеновалами, людскими и скотными дворами. Напару с ясным солнышком и я, музейный дворник, ласково озираю последнюю, чисто прометенную... вылизанную усадьбу, прячу метлу под высокое крыльцо... дальше положишь, ближе возьмешь... и, чуя в теле, в душе порядок и наслаждающую усталь, стеснительно... словно души былых хозяев подсматривают из зорево пылающих окошек... улыбаюсь, и по-мужичьи перевалисто, степенно шагаю к двум свежерубленным баракам, что желтеют на угоре за ручьем, утробно журчащим в густой осоке и кочкарнике, за огородами, где картошка буйно истекает белым, сиреневым цветом. В бараке, что ближе к Ангаре, и моя тенистая дворницкая камора, утаенная черемушным и боярковым плетевом... отратно жить в глухой и прохладной тени, когда на воле — белый изнуряющий зной. В родной каморе, сменив метлу на воронье перо, куда впихал черный стержень, среди горьких и сладостных мук денно и ночью рожаю повесть про писателя-дворника. Повесть похожа на бывальщину про сельского обалденя, которого весело и лукаво объегоривают ловкачи, но... ведь нет худа без добра... за простоту и ласку поджидает убогого дивный фарт: полцарства и белотелая синеокая царевна. Так и в слезливой повести: корявая дворницкая судьба однажды венчается писательской славой и богатством... а с тугой мощной

можно и царевну присмотреть в наложницы среди гудящего девьего роя. Я еще молодой, наивный, честолюбивый и азартный.

От ручья вздымаюсь тропой, едва пробитой среди колосящейся травяной кудели, и поминаю с улыбкой, как третьего дня ползла по тропе вслед за мной еще не вставшая на ноги дочь моя Маша; и то ли я счастливо заплутал в озаренных думмах, то ли залюбовался летней благостью, но вдруг обернулся назад и не высмотрел Маши на тропе. Испуганно метнулся назад — пусто, огляделся вокруг, и лишь по раскачиванию луговой овсяницы смекнул, где моя Маша и как далеко от тропы учесала, хотя и ползком. «Вот и доверяй дочь эдакому папаше, — проворчала бы мать, — все на свете забудет... писатель...»

Вхожу в тенистую дворницкую камору, блаженно оглядываю: матерый двухтумбовый стол со столешней, обитой зеленым сукном в линялых чернильных пятнах, брусовые венцы с куделями пакли и причудливыми корнями, добела выгоревшими на солнце, гладко вылизанными приборной волной. В бодрящем предчувствии свежего чая наливаю в чайник ангарской водицы... звенящей и прозрачной, как слеза... и лишь белые пузырьки оживают в закипающей воде, завариваю крепкий чай с мятой и смородишным листом. Прихлебывая чай за письменным столом, гляжу в заросли черемухи и боярки... в густой листве пестро и залиvisto поют Божьи птахи... думаю: Господи, милостивый, так мало нужно простому человеку для счастья: испить душистого чая, после которого душа подрагивает в азартном нетерпении писательства. С робкой честолюбивой улыбкой искоса взглядываю на рукопись, кою вот-вот допишу, потом, стуча неугомонным дятлом по сухостоине, отпечатаю на машинке «Москва», махну в Иркутск и всучу повесть братьям-писателям... может, самому Распутину?... лишь бы не шибко хвалили — не вгоняли в стыд смущения и сомнения, когда знобит, и тело сотрясает мелкая, суетная рябь, а щеки и уши горят нестерпимым полымем, словно учитель надрал уши за бороды, усы и махлахи, подрисованные лысым советским поэтам и прозаикам из литературной хрестоматии.

* * *

С грустной улыбкой поминаю молодые, лунно печальные и потешные лета: сочинительский азарт, полуночные споры в

дворницких закутках и сторожевых балках, где от табачного дыма и сивушного духа хоть топор вешай. Благо, что веселое тщеславие было утешено сказочными надеждами, а посему не озлобляло в зависти к именитым, не иссушало язвой мучительного, неизлечимого честолюбия. Потому не в тяготу были вечная нужда и стужа, дворницкая метла, отвороты-повороты из столичных журналов — ежемесячные, утонченно-язвительные, как их умели молвить, скривив змеисто тонкие губы, литературные господа и дамы: мол, ваши литературные потуги, увы, страдают этнографизмом, фольклоризмом и словесным орнаментализмом.

Всего лишь года три с гаком подфартило мне пожить взаправдашним писателем, который не ширкает утренней метлой и не мечется за газетным калымом, как жучка вывалив красный, парящий язык, днем строча об искусственном осеменении овец, а ночью под синеватой призрачной луной осеняя про нежную лирику Анны Ахматовой.

Но были три года, были они, фартовые, счастливо и азартно добытые многолетними ночными писаниями и утренними подметаньями, когда я жил вольным писателем на литературных хлебах. А жили мы при коммунизме, который просвистели, задрав к небу блажные очеса, сломя голову мотаясь за таежными кострами и гитарными песнями, проели, проворовали, проболтали, прохлопали ишачьими ушами. Все о ту пору было дешево, и я уже любил иной раз прокатиться с ветерком на извозчике, потом крепко выпить, закусить в ресторане — отпыхаться от праведных трудов. Хотя зять наш Коля Исупов — водила матерого грузовика, — выпив со мной на сумеречной кухоньке, однажды въедливо пытал:

— От чего расслабляетесь, ежели пень колотите — день проводите?! Ежели тяжелее ложки да вороньего пера ничего не поднимали?! Писа-атели...

Он сидел в синих семейных трусах до колен, застиранной майке с вытянутыми ляжками, под которой бугрилась матерая грудь, и, скандально прищурившись, пыхал в мое обиженное лицо папиросным дымом.

— Между прочим, Коля, пишут не вороньим пером, а гусиным.

— Знаешь, кем ты работаешь?

— Писателем.

— Нет, нарезчиком...

— Каким еще нарезчиком?

— Дуру нарезаете.

Спорить с ним было бестолку — есть она, паразитка, классовая неприязнь, но я прощал Коле рабоче-крестьянские насмешки, потому что Коля — бывший промысловый забайкальский рыбак — был дивный баешник. Царствие Небесное ему и его супружнице, сестре мой Вале.

* * *

Но до вольного писательства лет десять кормился я с метлы — дворничал, и пробивался сторожкой. Утром — дворник, сторож, днем и особенно в ночной тиши — писатель, сочиняющий романы, повести, рассказы про степную, таежную, озерную деревенскую жизнь. Как у тунгуса, почетного академика, который по четным числам академик, а по нечетным — опять оленевод и поэт: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...». И уж, помню, книгу выпустил, и в журналы прошибся с горем пополам, но сторожкой не попускался, метлу из рук не выпускал — без нее, родимой, жить скудно и нудно.

И в молодой писательской поросли не я лишь ночами кудесничал словом, а на утренней либо вечерней заре помахивал ирниковой метлой, вздымая пыль коромыслом и палый лист рыжим хвостом огневушки-поскакушки; дворничал в юные лета и дружище мой, поэт Василий Козлов, сочинивший о дворниках в духе древнеяпонского вольного стиха: «Отраднo смотреть, когда желтые листья летят и летят... на соседний участок...». Скажу не лукавя, люблю я дворницкое ремесло, чту и по сивую бороду, как почитал своего тятю, который от дикого похмела, душевного разора и мусора спасался тем, что прометал... вылизывал нашу деревенскую ограду и улицу вдоль палисада. А ремесло наше самое благородное в мире: загаживать землю все мастера, а вот прибирают ее лишь дворники. Недаром поэт Воронов — нелепо погибший студент-журналист, — так красиво сочинил про нас, дворников:

*...И трудно, и больно...
И белые дворники наши
Кружатся, кружатся
И улицу нашу метут.
Метите, метите,
Пока вам метелки отпущены,
Ни день и ни два поднимать на заре,
Пока что люди, вами разбуженные,
Не поймут, что рай наступил
На арбатском дворе.*

Насчет рая, да еще и арбатского, подзагнул, конечно, Царствие ему Небесное, а все одно елей на дворницкую душу... Иной раз прикинешь хвост к носу: может, здесь и было мое призвание — не в сочинительстве?.. Ничего в том зазорного нету, что кормишься с метлы, — не воруеть, не грабишь, как все нынче сверху донизу, не караулишь с кистенем, как тать придорожный, православную душу на росстани дорог. Дворник — тоже человек, подобие Божие, а в Священном Писании и вовсе черным по белому прописано, что низшие на земле — словом, дворники, — высшими будут в Царствии Божием... Сидящие на церковной паперти убогие сидеть будут у Господня Престола... Ляпнул не думавши, а душа... душа промолчала, не вместила, ибо мала, ибо слаб духом и шибко стеснялся своего дворницкого ремесла. Доходило иной раз до смешного.

* * *

Добрые сокурсники после университета распределились во вторую древнейшую профессию, а я в дворники. И помню, дворничал в музее деревянного зодчества «Тальцы», что на сорок седьмом километре Байкальского тракта...

Дивная там краса: лесные елани в густых ленивых травах и тихих цветах, тенистые перелески, где кружатся в синем поднебесье певучие девы-березы, где жарки догорают приманчивыми огоньками, где избы, амбары, повети, завозни и бревенчатые заплоты, вылинявшие на солнопеке, светятся вечным седым покоем.

Росными туманными зорями мел я возле музейной кассы, стараясь успеть, пока стойбище не заполнят бесчисленные автобусы — все было дешево, и бродяга, нашенский либо забугорный, пер гужом в прибайкальские края, и уж «Тальцы» никто не миновал, все подворачивали по дороге к Байкалу. А уж самые грамотные ходоки так и молили: дескать, страсть охота поглазеть на иркутские деревянные улочки, на Байкал и писателя Распутина...

И вот, бывало, утром подмету участок, окину его зорким хозяйским оком и, вернувшись в тенистую камору, пью чай в сенцах, гляючи на кусты боярышника, что пышно кудрявились под моим окном и метелисто цвели майским цветом. Потом сажусь за ладную сербскую машинку и стучу как дятел — повесть «Боже мой...» набело печатаю. После обеда, как путный русский мужик, любил соснуть вволюшку. А уж

с ясной душой, светлой головой — опять стучу. Бывало, и ночи прихватывал; а коль свет в музей еще не провели, то возле машинки мостил две керосиновых лампы и при тихом, уютном, таинственном свете, в наслаждающемся одиночестве воображал картины и, чтоб все вышло взаправдашне, играл, словно артист по жизни, своих героев — ребятишек, мужиков и баб, и всякую деревенскую живность, — и писал, умиляясь воображенным, забывая обо всем на свете. Я походил на бедалагу, у которого не все дома, к соседям ушли... Бывало, синеватый рассвет встречал и слушал, как боярышник вдруг наливался птичьим перезвоном-пересвистом. А птичек самих не видать, и чудится, будто с небес поют Божьи птахи... Кажется, после степного и таежного, озерного детства не случилось более отрадной поры...

* * *

Любил я в «Тальцах» жить, творить и дворничать, слушать обаятельных и умных музейных девушек, а перво-наперво душой сроднился с березняками, Ангарой, кондовыми избами, замшелой мельницей и пристарушенным погостом. Зимой мы с напарником, писателем Нефедьевым и его хлопотливой женой, работником музея Александрой Карповной выворачивали снег из дощатых чистых и скотных дворов. А летом я подметал свой участок, косил траву в усадьбах. Обвешанные с ног до головы причудливыми кинокамерами и фотоаппаратами, бойкие заморские туристы, бывало, снимали меня как живой экспонат сибирской деревни-малодворки, но сожалели: дескать, вышел бы мужик деревенский, если бы еще бутылку рашен водки потно тискал в руке, словно милашкину ладонь.

А с Валерием Нефедьевым — я его величал Ефимычем — мы и снег со дворов вывозили, запрягшись в музейные сани-розвальни. Однажды, помню, сидя на охлупне, спихивал долгим пихлом снег с избяной крыши, с которой и сверзся, и благо, что упал в розвальни, полные снега. А летами мы с Ефимычем ходили мы по Байкалу на его «Бабре», который он своеручно построил на манер старинного казачьего коча, а вьюжными зимами в сладкой маете сочиняли повести. А бывало, вечера напролет и взахлеб спорили до сипоты о писательском ремесле, вышаривая тайны у Белова и Распутина.

О ту пору я уже именитым писателям надоел своими

опусами хуже горькой редьки; и уже в толстых журналах мелькнул — десять раз, бывало, откажут: дескать, может, у вас есть еще какая заваливающая профишишка, намекают на... дворника, — а на одиннадцатый раз дивом дивным возьмут да и напечатают; я уж и книжку издал, и другая была на подходе, но с метлой, подругой верной, пока не расставался.

И помню, проходил у нас шумный литературный праздник — вроде «Байкальской осени»; и нагрянуло столь знаменитых писателей, что у меня аж голова кружилась при поминании о них. Помнится, кроме нашего земляка Валентина Распутина были там и Василий Белов, и Михаил Алексеев, и Владимир Крупин, и Валентин Курбатов, и Виктор Астафьев, и Владимир Личутин. Личутина я еще и в глаза не видел, а как прочел две его повести, так и руки мои опустились долу и перо гусиное пало на некрашенные половицы: до эдакого кудесного слова мне, сибирскому катанку, словно до небес... Но перед встречей, чего уж греха таить, хотелось подле знаменитых повертеться, на светил поглазеть, пока глаза не заслезятся, и себя показать, погреться в лучах их славы и всенародной любви, и себя почувать писателем, да, глядишь, и рукопись нахально всучить — вдруг пристроят. Впрочем, с Курбатовым нужно было край свидеться по делу: в Москве дивом дивным все же готовилась к изданию книга моих художественных очерков о крестьянском творчестве «Яко богиню землю нареки» и Валентин Яковлевич писал издательскую рецензию.

Надо было голосовать на Байкальском тракте, ловить попутку и выбираться в город... Но ох как трудно было вырваться из музея, весь бы испереживался, извелся в труху — будто скотину оставил непоену-некормлену, — если бы кинул участок без призору и по нему, упаси Бог, белесо-желтыми ворохами перекасти-поля мотались бы на ветру палые листья. Дворник я был, скажу без похвальбы, послушный и работающий, любил порядок, и всяких нерях смолоду не выносил, хотя и терпел, не лез в чужой монастырь со своим уставом — у всякого своеобычный нор. К тому же боялся нагоняя от сурового начальства — дорожил местом дворницким, цеплялся за метлу обеими руками.

Приуныл я было, но тут наш писательский бригадир, Ростислав Филиппов, — за свой гвардейский рост прозванный большим русским поэтом, — накануне литературного праздника прохлаждался в музее и шепнул мне на ухо, что знаменитые писатели поедут на Байкал и, конечно, завер-

нут в «Тальцы». А ты, мол, проводишь к усадьбам, поведешь, как жили сибирские мужики и бабы. Нагляделся же, наслушался музейных девушек... Я уперся рогом: показать покажу, а про жизнь стародеревенскую они побольше моего ведают.

Помню, был я от счастья на седьмом небе и не мел участок, а с метлой, как с милой сударкой, выплясывал «камаринского мужика» — таких писателей буду сопровождать. А вдруг... Я даже робел, стеснялся загадывать дальше...

Ростислав еще и упредил, что писатели явятся утром, на японском автобусишке. «Но, паря, японский городской, — яро чесал я затылок, — вот житуха пошла!..» Ночь я путем не спал — горячо, запальчиво и вслух говорил с писателями, которые оживали в желтовато-сонном, вялом свете, наплывающем от лампы, — керосин весь вышел и я жег солярку, а чтобы лампа не чадила, фитиль укрутил. Толковал я с писателями и во сне, и там они, похлопывая по плечу, что-то лестное мне отвечали — вроде привечали.

Счастливым, очнулся я ни свет ни заря, лишь птахи заголосили в боярышнике; умылся студеной ангарской водицей, начепурился, надел пиджак и белую рубаху и чуть было крикливо-петушистую удавку не повязал на шею. Увидел себя с метлой да при галстукке и рассмеялся.

Мне нужно было мести и караулить писательский автобус, чтобы вовремя спрятать метлу в березняке — будто я не я и метла не моя. И вот мету я площадь, усыпанную народным мусором и квелым, забуревшим на дождях, скукоженным листом, и опять вслух беседую с писателями — то есть говорю за себя и за них, а сам все посматриваю зорко: не заворачивает ли с тракта писательский автобус. Прибилась на машинёшке влюбленная парочка — баран да ярочка, убрела к березам целоваться, потом — семья, за ними гомонливые и хмельные мужики прикатили и сразу кинулись в кусты, на ходу расстегивая ширинки... И вот лишь пол-участка промел, как заворачивает японский автобусишко. «Но, япона мать, привалили...» Кинул я метлу в кусты, быстро отряхнулся, соорудил умное лицо... Выходят, да не те, которых ждал. Выудил метлу и дальше машу. Опять такой же автобус, опять я метлу в лес, опять жду, опять не они.

Мету дальше, и так увлекся любимым делом, что и забыл про писателей, но вдруг слышу знакомый голос: Ростислав Филиппов меня по имени кличет. Оборачиваюсь, да так и обомлел с метлой: красуется японский автобусишко, знаменитые писатели гуртятся возле Распутина, ноги разминают,

щурятся на утреннее солнышко, любят не то березняком, не то уж мной, с перепугу обмершим с метлой.

И помнится, так мне было горько и стыдно, что хоть сквозь землю провались. Ну какой же я писатель, коль с метлой?! Взаправдашние писатели за столами сидят, карандаши востряют, бумагу в машинку заправляют, музу абрамовну поджидают либо с высоких подмостков глаголом жгут сердца людей, а уж метлою машут графоманы, неудачники, каких по Руси хоть пруд пруди.

Выпить с горя захотелось... напиться... Теперь-то я думаю, чего было, дураку, стесняться?! Гордиться надо было дворницкой метлой.

* * *

Вспомнилось, что лет десять до этого случая обитал я в родном селе, прирабатывал истопником в деревенской газете, а вольным временем кроил и шил свои первые повести и сказы. А прожил я уже лет тридцать... И вдруг мой рассказ «Двое на озере» вышел аж в самой Москве, да к тому же с распутинским напутным словом. Счастье было... ни в сказке сказать, ни пером описать. Мало того, за рассказ (а может, за распутинскую замолвку) присудили мне еще и премию российскую.

И вот зимой, злой, метельной, шурую я дрова в печку, чтобы сельские газетчики грелись не одной сорокаградусной, но и живым печным теплом, и вдруг слышу, редактор к себе манит. Как был в телогрейке, с кочергой, так и завалил к «тяте» — свои люди, кого стесняться. Вижу, сидят у «тяти» нездешние — городские, нарядные, а посреди кабинета кинокамера на треногом козле. Понял я: областное телевиденье... Редактор похваляется: дескать, вот наш молодой писатель, который получил премию российскую, можете заснять. А они как глянули на меня в телогрейке да с кочергой, так и скисли простоквашей. Да и не стали снимать.

Вот так и шло мое писательство. Я бы еще с три короба навспомнил горького и сладкого про житуху захолустного писателя, да боюсь, строгий редактор сократит да еще и присрамит: ишь расхвастался. Скажу лишь напоследок: счастливые пережил я времена — был писательский, читательский азарт, была вера, может быть обманчивая, что ремесло писательское — дело благое, народу позарез нужное. Русские писатели тогда не ерничали, не умничали, го-

ворили серьезно, с любовью и болью за русскую землю и родной народ. Но грянули реформы, словно градом прибило русские поля, и буйно, куражливо, нагло взошла ядовито-лиловой, дурнопахляной сорной травой литературная нежить и нерусь. Верно сказано, были времена потяжелей, но не было подлей...

Но, как в деревне бают, наладился помирать — а рожь сей, и посему не ложиться же нам заживо в сосновые домовины, надо робить (не токмо бабки загребать), не урывая Божий дар в землю, ибо — грех; и верить в чудо (русские без чуда жить не свычны): явится на Руси Державный Дворник и будет у него уйма верных дворников-пособников, и тогда, не гнушаясь Метлы, выметут они с Русской Земли гниющий и смердящий, холерный мусор, и вздохнет земля облегченно, и заживут ее народы в добре и славе, в благодарении Богу.

Об авторе: **Анатолий Григорьевич БАЙБОРОДИН** родился и вырос в селе Сосново-Озёрск Республики Бурятия. После окончания Иркутского государственного университета (отделение журналистики) работал в сельских и областных газетах Восточной Сибири. Член Союза писателей России. В настоящее время главный редактор альманаха народов Сибири «Созвездие дружбы». Автор книг: «Старый покос», «Поздний сын», «Яко богиню землю нареки», «Боже мой...», «Воля», «Русский месяцеслов», «Диво», «Сибирские байки, сказы, рассказы», «Утоли мои печали». Автор пьес: «Птицы черные, птицы белые», «Лесные сны», «Деревенский бунт». Лауреат Всероссийских и областных литературных премий. Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО ИЛИ ПОКАЗАНИЕ К ЖИТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНИЮ*

Дети не имеют без именного приказа родительского, никого бранить, или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво.

Всегда недругов заочно, когда они не слышат, хвали, а в присутствии их, почитай, и в нужде их, им служи, также и о умерших никакого зла не говори.

Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторые живут лениво, не бодро, а разум их затмится и иступится, потом из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлова тела и червоточины, которое с лености тучно бывает.

Младья отроки не имеют быть насмешливы, и других людей речи не превращать, и иначе не толковать, и ниже других людей пороки и похулки внушать и предъявлять: ибо хотя про кого говорится, чего он может быть и не слышит, однако ж со временем и ему сказано будет, и тем он на гнев приведен и озлоблен искать будет случая со временем, то потаенно отметить, ибо хотя кто и долго молчит, токмо злобы не забудет.

Также излишняя роскошь и прихотливые протари зело не похваляются, а на примере: когда кто в год 1000 рублей приходу имеет, хочет с тем равен быть, которому по 6000 приходит, для того и говорится: надобно держать по приходу расход.

Никто не имеет повеса голову и потупя глаза вниз по улице ходить, или на людей косо взглядывать, но прямо. А не согнувшись ступать, и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, чтоб не сказали: он лукаво на людей смотрит.

* Печатается по кн.: «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. Печатается повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1717, февраля 4 дня Нравоучения от Священного Писания по алфавиту избранные». — М., 1976. — 88 с. (Факсимильное издание).